

# Postnatural

Я отнюдь не стремлюсь в пророки.  
Очень возможно, что эти строки  
сократят ожидания сроки:  
"Год засчитывать за два".

*И. Бродский "Речь о пролитом молоке"*

Это не пьедестал, это – предел

**Похоже, что популяция Homo Sapiens достигла лимита своих эволюционных возможностей. Дальнейшие попытки качественного усиления, количественного роста или качественной диверсификации при сохранении имеющегося морфологического основания и продиктованной им системе ценностей могут привести лишь к стагнации вида.**

По мере взросления каждого человека его восприятие хода времени драматически усиливается — субъективно течение жизни начинает ускоряться, создавая ощущение стремительно приближающегося финала, неизбежности которого сознание противится всеми доступными ему способами. Примером обратного явления могут служить ощущения путешественника, приближающегося к точке назначения долгого пути и обнаруживающего, как ход часов "замедляется" и каждая следующая минута течет все медленнее. Понятно, что в обоих случаях разница в ощущении времени обуславливается субъективным отношением к предстоящему событию (в зависимости от того, имеет оно аверсивный или аттрактивный характер). Однако бывают случаи, когда эти противоречивые ощущения сосуществуют на одном отрезке времени, переплетаясь и проявляясь поочередно или в смешанной до абсурда форме – когда они вызваны одной причиной.

Возможности, которые около 6 млн лет назад подарила нам мутация части генома (впоследствии определенной как HAR-группа – Human Accelerated Regions), перестают быть гарантами бесконечного эволюционного успеха. Подобно любым другим участкам хромосом, их экспрессия имеет свои границы, за которым преимущества легко превращаются в недостатки. Как всякий биологический вид, человечество было обречено рано или поздно достигнуть пределов того роста, который сформировавшиеся HAR инициировали в его геноме. На нынешнем этапе этот вид стал перед необходимостью выбора: или, используя наследие, обретенное в ходе этой эволюции, осознать необходимость следующего этапа, или же, демонстрируя фактически достигнутый максимум и, одновременно с этим, недостаточность его потенциала для дальнейшего развития, зафиксироваться на освоенных инструментах, способностях, эволюционных механизмах и промежуточных ориентирах, не утрачивая себя поиском новых задач и расширения горизонта интересов.

Эволюционный скачок, случившийся миллионы лет назад, послужил причиной того, что *"новое качество сознания привело при передаче и умножении информации к новому глобальному механизму развития"* (С. Капица [3]), однако в ходе последовавшего за этим событием интенсивного эволюционного периода вид разумных гоминид успел реализовать практически все возможности и преимущества, которые он обрел в результате данной мутации. Перечисление свидетельств этому составило бы слишком большой список, ограничимся выдержкой из работы Д. Ивашинцова [2]: *"Эволюционные ресурсы Homo Sapiens в том его виде, который берет начало от человека из Кро-Маньяна, исчерпаны, что достаточно наглядно видно из анализа двух основных параметров эволюции живого, в его сегодняшнем понимании"*, перечисляя в числе прочих факторов, приведших к этому, экологический – тепловой барьер потребляемой энергии [7] и информационный – значительное превышение битового эквивалента объема, приходящегося на обработку головным мозгом, над объемом генетической информации (что всегда свидетельствовало о приближении очередного эволюционного витка [15]). Выводы Ивашинцова опираются на тезисы, сформулированные Матураной [7], который прямо заявляет о том, что идентичность живой системы, основывающаяся на фундаментальной кругообразности природных процессов, в которую эта система включена, рано или поздно сталкивается с необходимостью ее диверсификации. Очевидно, что в противном случае эту систему ожидает коллапс, поскольку природе не знакомы вечные и статичные структуры (а любая попытка их реализовать заведомо бессмысленна и противоречит самому принципу эволюции, относящемуся уже к категории понятий универсальной истории [8]). Пределы человеческого взаимодействия с окружающим миром, лимиты его познавательных возможностей неизбежно заключены в самой природе homo sapiens, в структуре его рецепторов (источников информации, формирующих ключевые принципы референсирования объектов окружающего мира) и эволюционно обусловленных возможностей органа, реализующего когнитивную функцию, и даже в самом факте того, что каждый субъект относится к категории "живых систем" [7]. Соответственно, любые попытки распространить взаимодействие на сущности, выходящие за пределы понятийного и ценностного пространства выживающих организмов, являются спекулированием умозрительными моделями различной степени нерелевантности.

На это хочется попытаться возразить: мол, познавательные и мыслительные возможности человека не могут иметь предела, поскольку Разум безграничен в своем развитии. Однако здесь происходит подмена тезиса — не отрицая (ничем, впрочем, не доказанное и вряд ли способное быть формально обоснованным) утверждение о возможности безграничной прогрессии Разума, следует осторожно относиться к оценке возможностей конкретного его представителя на каждом этапе его развития (под этапами развития подразумеваются не стадии жизни индивида, а стадии развития самого Разума, соответственно, представителями этих стадий являются не единичные организмы, а биологические виды). Homo Sapiens не является таким уникальным носителем данной функции, который бы настолько отличался от всего прочего животного мира, чтобы нельзя было проследить эволюцию когнитивного функционала в его предшественниках и даже параллельных ветвях животного мира. Все эти примеры говорят о том, что каждый очередной агент развития сапиентной функции удерживал эстафету лишь на том участке, который был обусловлен его потребностями, ограниченном генетической программой вида, после чего неизбежно передавал ее следующим — не замечая своего схождения с дистанции. Даже столь восплаемый институт научного знания, которым так гордится человеческая цивилизация, представляет собой не более чем часть дарвиновской борьбы за

существование (на это указывал еще Э. Мах, сейчас его взгляды привлекают к себе внимание многих представителей современной науки).

Само развитие технологий в ходе решения задач удовлетворения потребностей ставит перед человеком качественно новые вопросы, которые простым усилением инструментального набора и интенсификацией его применения решить уже невозможно. Известная всем пирамида Маслоу оказывается золотой клеткой [16]: *"Достигнув реализации собственных чаяний, люди столкнулись с падением уровня довольства от собственного существования. Никто не учел, что сложенная сотнями поколений привычка удовлетворять строго ограниченный набор потребностей сформировала вокруг этого процесса свою собственную культуру, в которой были воспеты и тотемизированы именно эти уровни иерархической лестницы. Еда, кров, потомство, забота о безопасности и пресловутая "радость человеческого общения" составили сакральный перечень ценностей человеческой цивилизации, вне романтики борьбы за которые стало уже невозможно представить какую-либо осмысленность человеческого бытия вообще. Люди, добившиеся всего того, что так долго было манящей целью для их многочисленных предков, внезапно обнаружили себя стоящими перед барьером, возведенным их собственной природой. Та самая, которая ранее подстегивала их деятельность, стимулируя преодоление трудностей, связанных с удовлетворением дефицитарных потребностей, эта же природа теперь стала препятствовать бесконечному наслаждению от победы, одержанной над ней человеком потребляющим (сменившего человека выживающего, но унаследовавшего всю его культуру и систему ценностей)."*

Ни один биологический вид не вечен и не предполагает как бесконечную жизнь индивидуальной особи, так и безграничное умножение популяции. Согласно данным, приводимым Капицей [3], интенсивный рост человеческой популяции уже позади, а современный человек стал свидетелем и участником того, как пару десятилетий назад гиперболический график взрывного демографического роста сменился пологой фазой стабилизации численности человеческой популяции. То, что последует на этапе перехода в стабильную фазу, неизбежно вызовет сильнейшие преобразования во всех сферах жизни каждого человека, а также в самой парадигме отношения человеческой цивилизации к самой себе и к окружающему ее миру: *"Глобальная демографическая революция, когда происходит резкий скачок скорости роста от асимптотического ухода на бесконечность к нулевой скорости и стабилизации населения мира, должна привести к очень значительным изменениям в развитии всего человечества."* (там же [3]). Что же касается качественных возможностей гоминид и потенциала усложнения их практической деятельности (включая когнитивный аспект), то, подобно любому другому биологическому виду, все эти аппараты и механизмы адаптации имеют довольно строгие границы, за пределами которых вид существовать не сможет — это относится не только к физиологической организации, но и к ментальному функционалу (базирующемуся на ней же и выполняющему ту же задачу приспособления конкретного вида в довольно узком спектре допустимых вариаций контекста). Резюмировать все вышесказанное можно цитатой из материала "Космические биосферы" Аллена и Нельсона, не случайно выбранной А. Назаретяном эпиграфом к своей работе [8]: *"Современное состояние человека как биологического вида можно сравнить с балансированием между эволюционной трансформацией и полным исчезновением."*

**Кризисы, возникающие по ходу развития человеческой цивилизации, принципиально необходимы для эволюции, однако на определенном этапе они начинают предъявлять требования, превосходящие возможности текущей организации их инициатора и агента.**

Автокаталитический характер возрастания потребностей человека, преобразования им окружающей среды и адаптации к изменяющимся условиям обитания свидетельствует о том, что развитие человеческой цивилизации основано на кризисной парадигме. Назаретян по-своему приводит к этому выводу [8]: *"суть дела не в том, что общество адаптируется к окружающей среде, а в том, что оно последовательно адаптирует внешнюю природу к своим возрастающим потребностям, а также перестраивает внутреннюю природу человека в соответствии с его возрастающими возможностями и последствиями преобразующей деятельности"*. Параллельно с этим технологическим прогрессом происходит развитие культуры — в форме расширения и углубления видов табу, призванных сдерживать деструктивные тенденции человеческого общества, а также в форме разнообразия и интенсификации пропаганды способов сублимации природно обусловленной мотивационной энергетики его членов.

При этом время от времени общество встречается с ситуациями и проблемами, которые принципиально не могут быть решены в рамках имеющегося подхода. Это и есть тот самый кризис, который заставляет его искать иную парадигму отношения к себе, иную плоскость восприятия мира и себя в нем, а также качественно новые принципы приспособления. Цивилизация, которая панически боится подобных ситуаций и прилагает все силы для их избегания, неизбежно оказывается в эволюционном тупике [3][6][8][9][11]. Еще несколько десятилетий назад популярным примером подобной угрозы была тупиковая эскалация объемов ядерного вооружения, производившаяся под давлением пещерной идеологии силы. После преодоления этого кризиса, когда цивилизация вступила в информационную эру, лучшим примером очередной дилеммы может служить следующая гипотетическая (но отнюдь не невозможная) ситуация. Представим, что некая группа исследователей открыла определенный механизм дистанционной модификации сознания обитателей планеты, от которого пока не существует защиты. Предположим, что открывшие это знание — интеллигентные люди, полноценные члены современного ученого общества, руководствующиеся исключительно мотивами научного любопытства. Тем не менее перед ними неизбежно встает следующий вопрос: как поступить с данным знанием (которое, добавим, в достаточной степени проработано, чтобы путем приложения незначительных усилий превратиться в технологию, реализуемую на практике). Каждый из членов группы понимает, что их работа — это часть фронта общего наступления на область Неведомого, которое ведется в сотнях институтов по всей планете и в тысячах научных групп, и что достигнутое ими — даже в случае замалчивания — не может долго оставаться их уникальным достоянием, рано или поздно на этот механизм воздействия наткнутся прочие коллективы или даже одиночки. Кто из них и как справится с бременем этого знания? Как распорядится им тот очередной его обладатель, который окажется перед соблазном получить в свои руки достаточно большую власть над миром, чтобы поставить под угрозу существование цивилизации? Допустим также, что один из способов применения данного открытия — возможность установления превентивного ментального блока всему населению планеты, препятствующего исследованиям и практическим разработкам в определенных областях науки (что, возможно, остановит всех остальных, кто еще не обнаружил данное знание, но при этом неизбежно и непоправимо кастрирует весь интеллектуальный потенциал человеческой цивилизации). Что следует предпринять этим людям? Какое решение они должны

принять в ближайшие дни или даже часы, чтобы завтра самим не оказаться с промытыми мозгами под властью тех, кто повторит их открытие чуть позже (или вообще рабами маньяка, тем или иным образом завладевшего данной технологией)? Кому они могут доверить это знание, на кого они могут переложить груз ответственности? Способен ли вообще какой-либо один человек или изолированная группа лиц выдержать подобный груз?

В рамках современной парадигмы нашей цивилизации все попытки найти решение приведенной выше дилеммы обречены на провал. Это даже не пресловутый паритет ядерных потенциалов, удерживающий пальцы политиков в миллиметрах от красных кнопок, поскольку в данном случае этих "кнопок" становится неограниченно много, и проконтролировать (а значит договориться) их обладателей становится невозможным в принципе. Эта обреченность в невозможности найти решения дилеммы настолько очевидна, а безвыходность настолько пугающая, что единственной реакцией на подобную постановку проблемы могут быть только отповеди в стиле: *"Ну-у, это слишком натянутые условия, такого открытия в принципе невозможно сделать... эта спекуляция из категории - что-делать-если-завтра-упадет-астероид-или-взорвется-Солнце"*. Хотя думающий человек отлично понимает, что любая катастрофа вселенских масштабов (из категорий тех, на которые человек не способен повлиять) не может быть использована в качестве апелляции или аналогии, когда речь идет о ситуации, созданной самим человеком, для себя самого. С которой, соответственно, он обязан справиться собственными силами. С другой стороны, подобная аналогия (сравнение с падением астероида или взрывом Солнца), когда речь идет о последствиях, которые наши интеллектуальные успехи несут тому, что мы называем своей цивилизацией, очень показательна. Она явно указывает на то, что Разум, который мы представляем на данном этапе его развития, является куда большей силой и куда более масштабным явлением, чем конкретные его представители. И что ценность последних и их роль ни в коем случае не должны переоцениваться. Если мы воспеваем Разум – мы обязаны быть честны перед самими собой. Если мы воспеваем исключительно самосохранение потомков обезьян, вынося все остальные ценности за скобки – нам разрешены любой самообман и лицемерие... Которые, впрочем, в долгосрочной перспективе все равно никого не способны спасти.

До тех пор, пока подобная дилемма будет неразрешимой, наша цивилизация будет оставаться не более чем технологически вооруженной конгломерацией триб приматов. Единственно правильной линией поведения в подобной катастрофической ситуации, является следующий шаг: спокойное принятие факта свершившегося кризиса, полностью открытая политика по отношению ко всему населению планеты, вовлекающая в сферу ответственности всех людей, исключительная честность и откровенность в освещении всех нюансов открывшейся технологии, распределение ответственности за знание вместе с самим знанием. Этот шаг современному человеку наверняка покажется не только бессмысленным, но и безрассудным, однако причины этого заключены исключительно в нем самом. Причины неприятия такого решения – в нас самих, какие мы есть в настоящий момент.

После прочтения этого периода у читателя наверняка готово сорваться с уст возражение: *"Старая песня! Мы сотни лет слышим эти заклинания: давайте-жить-одной-семьей, и так далее. Не торопите события, человечество постепенно улучшается, становясь сознательнее, однако этот процесс идет не так быстро, как кое-кому хочется. Все будет в ажуре."* На это я могу ответить, что – да, эволюция идет. Но почему вы так уверены в том, что ее результатом будет достижение указанного критерия? Вы думаете, что биологический вид приветствует эволюционные преобразования, к которым его принуждает природа? Вы полагаете, что обезьяны были счастливы передать эстафету своим

потомкам? Подумайте над этими вопросами, и вы поймете, что “ажур” на самом деле отнюдь не гарантирован. В отличие от эволюции, которая – да, происходит. Но она может пройти мимо нас, сквозь нас или через нас.

Этот пример, при всей своей кажущейся гипотетичности и искусственности, является далеко не таким нереальным, каким его хочет видеть современный обыватель. При том уровне развития научного знания, которым сейчас обладает наша цивилизация, существуют такие технологии и масштабы силы, которыми современный человек, оставаясь в его неизменном виде, оперировать не способен — что сформулировал Билл Джой [1] в известном высказывании: *"На смену оружию массового поражения пришли знания массового поражения"*. Ему вторит Назаретян [8]: *"«Информационная революция»? Уже в середине XX века пришло ощущение того, что планетарная цивилизация приближается к очередному кризису, и обстоятельства его могут быть принципиально описаны схемой техно-гуманитарного дисбаланса. За сто лет энергетическая мощь оружия возросла в миллион раз (!). Интеллект достиг такого операционального могущества, что выработанные в предыдущем историческом опыте средства сдерживания перестали отвечать новым требованиям; носитель разума опять сделался смертельно опасным для самого себя."* И все это свидетельствует о том, что мы подошли к очередному порогу, который нам придется преодолеть. Нас к этому вынуждает эволюционный процесс, неумолимость которого не способны остановить — ни наша сентиментальная мораль, ни наши переживания, ни тяга к сохранению status quo, проповедуемая на любом отрезке эволюции большинством представителей вида. Только через преодоление стресс-фактора у цивилизации способен выработаться императивный запрет на совершение определенного рода действий — не потому что за этим может последовать наказание, а исключительно в силу того, что эти действия несовместимы с деятельностью мыслящего существа, с самореализацией разумной силы, рассматриваемой как часть универсума. Сократ сказал: *"Подлинный разум нравственен сам по себе"* — и эта формула, в отличие от набившего оскомину кантовского императива или наивных христианских заветов, апеллирует к категориям, лежащим вне индивидуума, вне социума и даже вне цивилизации. Если хотите — она лежит вне пределов самой Вселенной (чтобы заранее пресечь галактоцентризм, едва вырвавшись из антропоцентризма).

Технологический прогресс приводит к выработке адекватных компенсаторных механизмов и культурно-психологических регуляторов, уравнивающих драматически возросший инструментальный потенциал интеллекта [8], однако всегда найдутся лишенные веры в себя трусы, которые готовы выбрать самооскопление, как способ самозащиты от собственных деструктивных интенций. В качестве примера результатов подобной борьбы с односторонне понимаемой ролью агрессии [5] можно привести *бетризованное* общество из романа "Возвращение со звезд" С. Лема, блестяще описавшего тупик цивилизации, выхолостившей свою мотивационную структуру. Мы совершим критическую ошибку, если прислушаемся к мнению тех, кто считает, что свобода удовлетворения интеллектуального любопытства обязана регулироваться теми или иными регламентациями "общественной морали", а не соображениями академического интереса или свободы творческого самовыражения. Это голос консерваторов от прогресса, это позиция трусов, которые не верят в возможности развития Человека Разумного, это переложенные на современный лад догматы иезуитов, сотни лет назад сжигавших за дерзость и ересь тех, кто открывал человечеству новые горизонты его дальнейшего развития (и столь необходимые для эволюции общества сопутствующие им опасности). Этическое взросление неизбежно следует за интеллектуальным, не в силах опередить его, но

обслуживая его плоды — при условии, конечно, что и первый и второй процесс происходит естественно и без воздействия извне артефактов чужеродного происхождения (всем известны печальные случаи, когда племена бушменов, получивших в руки огнестрельное оружие, быстро уничтожали окружающую фауну и самих себя). Когда же племя обезьян самостоятельно открывает палку, огонь и колесо — оно обязательно подчиняется парадигме веселого киника по имени Эволюция: "поумней или погибни", заставляющей параллельно с *умением* возвращать *понимание*. В синергетике Пригожин [9] называл это автостабилизацией. Этот механизм заложен в свойства самой психики Homo Sapiens, и, как полагают некоторые приверженцы универсальной истории [8], отражает принцип более глобального характера. Как свидетельствует А. Назаретян, синергетическая модель хорошо описывает утомляемость от однообразия современного человека, помещенного в социальную структуру высокой устойчивости и стабильности, противопоставляя ей врожденную эволюционную тенденцию к нарушению равновесия, к диссипации, порождающую периодически возникающие стресс-факторы, накопление которых вызывает наступление точки бифуркации: *"У человека как самой неравновесной из известных нам устойчивых систем тяга к «бескорыстному» отклонению от устойчивых состояний отчетливо представлена потребностно-мотивационными и эмоциональными особенностями психики."* В то же время, как ни противятся это признать многие современные сентиментальные "опекуны стабильности и сохранности человечества", именно беспардонный диктат т.н. "общечеловеческой морали" и дурно понимаемые представления о принципах гуманности, а также их толкование как глобальных и универсальных законов, ставят под угрозу остановку человеческую эволюцию, извращая сам ход развития цивилизации. Здесь уместно сослаться на Слотердайку, описавшего [10] механизмы превращения морализаторства в духовную и интеллектуальную инквизицию.

Статистика роста расходов на пенитенциарные заведения, на внутреннюю полицию, на антитеррористические центры, на параноидальные средства безопасности, на эскалацию запретов, импринтингом внедряемых в психику индивида с раннего детства, на тотальную слежку за каждым его шагом — удручает не только тем, что процент данных затрат с каждым годом занимает все большую долю бюджета каждой развитой страны, но и своей очевидной неспособностью справиться подобными методами с возникшими перед человечеством задачами. Для сохранения своей целостности обществу невыгодно содержать слишком большое кол-во нечестных особей (здесь вступают в роль принципы игры [5]). Есть основания считать, что дальше невозможно оставлять этику и мораль на подчиненных и чисто сервильных ролях, когда их прогресс обусловлен исключительно функцией приспособления к нашим постоянно возрастающим возможностям разрушения, компенсировать которые мы можем лишь увеличением объема и силы накладываемых на себя запретов и табу. Реакционный механизм развития этики не способен сохранять свою функциональность бесконечно, хотя какое-то время его положительные результаты перевешивали неизбежные отрицательные последствия прогресса: психопатию, внутреннюю напряженность, отчужденность и т.п., возникающие под влиянием репрессивных сил и внешних факторов регулятивного характера, реализующих моральные запреты. Рано или поздно должен был наступить момент, когда этих табу и извне насажденных ограничений становится столько, что психика индивидуума и стабильность социума начинают трещать по швам. Возникает необходимость в принципиально иной регуляции, основанной не на принципе кнута *"не делай этого, потому что впоследствии будет худо"* или пряника *"сделай так, и тебя будет ждать награда"*, а на не опосредованной никем и ничем ценностной установке: *"это само по себе хорошо, поскольку гармонично соответствует тебе самому и окружающему миру, поэтому неважно —*

*сделаешь это ты сам или это сделают другие"* и соответствующей антиценности. Обратим внимание на отличие этого принципа от формулировки современных нормативов, основанных на словах "нельзя", "можно" и "нужно", имеющих персональную направленность и подразумевающих угрозу наказания, игнорирования или поощрения действий конкретного лица. Возможно ли добиться необходимой степени деперсонализации и освобождения от физиологичности базиса, которые требуются для дальнейшей эволюции этических институтов — на нынешней парадигме самоидентификации человеческой цивилизации? Очевидно, что ответ на этот вопрос будет отрицательным, поскольку мы сталкиваемся с противоречием целей и средств — невозможно сбросить вериги физиологии, продолжая пребывать в шорах антропоморфизма, равно как немыслимо избавиться от прессинга парадигмы "персоны", оставаясь в тесных границах мифа наличия внутри каждого человека "бесценной личности/души" [17].

**Каждый серьезный кризис усиливает стратификацию общества и его поляризацию на консерваторов, предпочитающих простой аттрактор, и прогрессистов, выбирающих странный аттрактор.**

В теории диссипативных структур простым аттрактором называют цель, выбранную системой для приближения к равновесию, в то время как странным аттрактором определяется ориентир на прогрессирующее удаление от равновесного состояния [8]: *"с накоплением спровоцированных неустойчивостей (эндо-экзогенный кризис) неравновесная система должна либо мигрировать в новую среду, либо приблизиться к равновесию, т.е. разрушиться, либо еще более удалиться от него, усовершенствовав механизмы антиэнтропийной работы."* Теория неравновесных систем уже не первый раз привлекается для объяснения эволюции человеческой цивилизации, и если мы обратим внимание на тот разброс реакций, которые проявляет человеческое общество в ответ на вышеописанные раздражители, мы убедимся, что данная модель неплохо работает и дает интересные результаты для прогнозирования будущего этой системы.

Когда общество встречается со стрессовой ситуацией, мы всегда можем наблюдать, как его состав перекраивается, образуя два неравных по объему и составу лагеря, в одном из которых находятся те, кто понимает неизбежность изменений в социальной структуре и принимает их, а в другом — те, кто стремится убежать от эволюции, отрицая ее объективную истину, делая ставку на тезисы "стабильности", "следовании нормам", "сохранения порядка и идеалов предков". В сущности, второй лагерь объединяет в себе не просто поклонников консерватизма, но скорее идеологов регресса, упрощения, примитивизации быта и сведения поведенческих реакций к наиболее древним физиологичным паттернам. Одним из примеров этого является разброс ориентаций постсоветских стран на реформирование своего устройства после распада СССР — в то время как некоторые из них решились на подлинные реформы, приближающие их к современному цивилизованному миру, в остальных возобладали тенденции откровенно реакционного характера, которые приветствовались большинством населения, поверившего в возможность реконструкции "оазиса привычного образа жизни", ограждая себя от непонятного в своей открытости демократического общества, враждебного уже в силу своей непрекращающейся изменчивости. Сама лабильность жизненных норм и социальных взаимоотношений является тем устрашающим фактором, который шокирует феодальный электорат бывших строителей коммунистического общества. Для такого общества самым заманчивым лозунгом является обещание вождя "И будет, как было!". Страх перед эволюцией, неприятие каких-либо изменений в себе самом и в своей социальной группе, порождающие неосознаваемую ненависть к



прогрессу — самые характерные черты для наиболее отсталых и обскурантистски настроенных групп населения: крестьянства, пролетариата, делинквентов и служителей культа. Для стран со значительным составом данных социальных групп характерны самые чудовищные формы реакции на кризисы и стресс-факторы, постоянно генерирующиеся взрослеющим человечеством. В таких обществах процветает религиозное мракобесие самых уродливых форм, постоянно звучат панегирики "былой славе" и величию "посконной культуре предков", т.е. налицо задействие всех тех механизмов, которыми вожди блокируют любые возможности общественного переустройства, любые попытки социально-психологической перестройки, причем главными инструментом-якорем становится дискредитация самой идеи прогресса (продолжающегося за границами этого общества). Безусловно, ни одно из этих реакционных начинаний не имеет успешной долгосрочной перспективы, все, чего оно способно достичь — это локальное маскирование и недолговременное оттягивание неизбежно происходящих изменений. Это даже не столько торможение процесса, сколько искажение его и камуфлирование результатов от самих его агентов, поскольку рано или поздно естественный ход событий берет верх, вовлекая в метаморфозы все островки человеческой цивилизации. Тоталитарные лидеры, стремящиеся законсервировать историю или даже повернуть ее вспять, обречены заранее — и основа их поражения заключается в непонимании ими принципов эволюции, в наивной вере в то, что возможно построение отдельно взятого и управляемого волей субъекта или группы субъектов общества, не подчиняющегося общим правилам развития земной цивилизации и общеисторическим процессам еще более глобального характера. Подобные попытки даже в самом лучшем случае дают лишь мнимый эффект, который уже в средней перспективе оборачивается негативными последствиями, однако самое плохое заключается в том, что им всегда сопутствует желание затянуть в этот тупик вместе с собой всех прочих, ушедших дальше по пути эволюции. Таковы, в частности, движения исламистов (агрессивное навязывание законов шариата), реакционная политика христианской церкви, рабски-имперская парадигма Российской Федерации, в которой государственной нормой практически прямо объявлены ненависть к прогрессу, неприятие свободы и отрицание прав человека.

Это категорическое разделение происходит между государствами, реализующими концепцию закрытого общества (по определению К. Поппера), которые выбирают стагнацию под видом стабильности и прикрывают свою реакционность и замшелый консерватизм лозунгами "сохранения духовных скреп" и "противодействия разлагающим тенденциям", и прогрессивными странами открытого общества, эволюционирующими через произвольно вызываемые ими кризисы, стимулирующими метаморфозы и реорганизацию социума на качественно новом уровне. Для общества первого типа социальные структуры второго являются врагами в первую очередь именно в силу своей лабильности, из-за характера непрекращающейся изменчивости, требующей постоянно разрабатывать новые концепции реагирования. Однако общим у обеих групп является то, что выбор пути происходит под давлением сложившихся обстоятельств: в то время, пока испуганные консерваторы пытаются повернуть назад, выбирая простой аттрактор и полагаясь на эффективность давно апробированных методов, *"«прогрессивные» изменения в синергетической модели представляются не как цель, а как средство сохранения, в целом же поступательная эволюция — как цепь успешных адаптаций к последствиям собственной активности неравновесных систем (на фоне преобладающих разрушительных эффектов неустойчивости), т.е. реализация множества страных аттракторов."* [8]

Известный русский социолог и автор теории стратификации Питирим Сорокин (естественно, вынужденный эмигрировать из большевистской России в свободный мир) был не первым, кто полагал, что установка на воспитание у населения альтруистических ориентиров способна справиться с наличествующими и грядущими проблемами общества. Но именно он сформулировал закон поляризации, описывающий две противоположные стратегии реагирования на социальные и персональные катастрофы, определив их как позитивную и негативную моральную поляризацию. В первом случае воплощается модель, в основу которой положены альтруистические идеи, свободные от примата субъективизации и персонализации. Вторая модель основана на гедонистической фиксации, примате физиологии, и неизбежно проистекающих из этого — ожесточенности, гиперакцентированной агрессивности или же (как вариант пассивной защиты) фатальности в отношении к своему и общественному будущему. Естественно, подобная система ценностей не может приветствовать какие-либо изменения, она всецело ориентирована на прошлое, поскольку в центре своем имеет эволюционно устоявшиеся паттерны удовлетворения естества и целеполагания живого организма, унаследованные от млекопитающих предков. Здесь очевидно напрашивается аналогия с бифуркацией общества на две группы: на тех, кто с оптимизмом смотрит в будущее, обладая смелостью встречать его с открытыми глазами и принимать прогрессивные изменения, понимая их значение, признавая приоритет *totum pro parte*, и тех, кто предпочитает регресс ради консервации привычных ценностей, ради сохранения "стабильности любой ценой", ради поклонения "проверенным временем ценностям предков", ставя при этом во главу угла противоположный принцип *pars pro toto*.

К сожалению, даже демократическое западное общество пронизано рудиментами линейного мышления, в котором выражается парадигма выбора простого аттрактора и негативной моральной поляризации. В частности, это выражено в поведении современных представителей бизнеса, считающих, что интенсификация труда и наращивание усилий, затрачиваемых на обустройство быта и карьеры, способны исправить неудовлетворительное положение вещей, и что такой подход в глобальном аспекте способен справиться с любыми кризисами: "надо лишь сильно постараться". Конрад Лоренц упоминал эту гипертрофию адаптационных шаблонов, когда выносил приговор бессмысленности современного темпа жизни [5]: *"Мой учитель Оскар Хейнрот часто шутил: «После крыльев фазана-аргуса, темп работы людей западной цивилизации — глупейший продукт внутривидового отбора». И в самом деле, спешка, которой охвачено индустриализованное и коммерциализованное человечество, являет собой прекрасный пример нецелесообразного развития, происходящего исключительно за счет конкуренции между братьями по виду. Нынешние люди болеют типичными болезнями бизнесменов — гипертония, врожденная сморщенная почка, язва желудка, мучительные неврозы, — они впадают в варварство, ибо у них нет больше времени на культурные интересы. И все это без всякой необходимости: ведь они-то прекрасно могли бы договориться работать впредь поспокойнее. То есть, теоретически могли бы, ибо на практике способны к этому, очевидно, не больше, чем петухи-аргусы к договоренности об уменьшении длины их перьев."*

Возвращаясь к анализу, проведенному Назаретяном, мы еще раз видим подтверждение того, что любые попытки остановить прогресс обречены на поражение — в "успешном" (!) случае они могут лишь уничтожить вид, но не помочь ему преодолеть кризисную ситуацию [8]: *"...с исчерпанием резервов для крупномасштабной миграции социумов «прогрессивный» путь разрешения кризиса становится решающим. Все более выпукло обозначается дилемма крайних сценариев ответа на*

*кризис: упрощение, разрушение, приближение к равновесию — или усложнение, достраивание, еще большее удаление от равновесия." Уровень устойчивого неравновесия коррелирует со способностью системы выбирать путь следования идеальным образам, планам и мыслям, не подчиненным вчерашнему дню и все чаще выраженных в субъективном ("виртуальном") мире, в противовес прежним, определенных категориями мира физического ("масс-энергетического"). "Художественные образы, религиозные и философские учения, научные открытия и бред полубезумных фанатиков оказывали все более значительное влияние на ход материальных процессов, превосходя по масштабу последствий (которые определимы даже по энергетическим показателям) землетрясения, цунами, падения метеоритов и прочие природные катаклизмы. Эта результирующая общеисторическая тенденция — парафраз того, что Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский назвали становлением ноосферы, а здесь обозначено как удаление от естества." [8]*

**Принципиальная новизна сущности современного кризиса: считавшаяся ранее двигателем эволюции экономическая парадигма борьбы за ресурсы оказалась несостоятельной, уступив место экзистенциальной проблеме выбора мотивирующей цели.**

На текущем этапе, когда рост населения стабилизируется на величине порядка 11 млрд человек [3], когда даже самые скромные подсчеты современного технологического потенциала дают уверенность в возможности гарантировать всем и каждому достаточное количество необходимого, и когда борьба за ресурсы более не может рассматриваться как главная цель, наиболее сложной задачей для человечества становится не интенсификация усилий для преодоления тех или иных проблем, не линейное наращивание мотивационной составляющей (функциональность которой ограничена законом Йеркса-Додсона), а проблема выбора новых жизненных ориентиров и критериев оценки собственной жизнедеятельности. Оказалось, что среднему человеку очень сложно вырваться из обжитого мира привычных каналов реализации мотивационной энергетики, подняться над уютной мещанской целеориентацией (см. "Хлеб с Маслоу" [16]) и преодолеть рудименты восприятия себя как "животного, выживающего во враждебной среде в окружении агрессивных соперников, сражающихся с ним за доступ к ресурсам".

Вообще, образ "сытого тупика" ни в коем случае не нов, и уже не одно столетие ужасает наиболее дальновидных аналитиков. Капица приводит слова основоположника макроэкономики Кейнса [3]: *"...если мы обратимся к прошлому, то обнаружим, что экономика, борьба за выживание были не только насущной задачей человечества, но были таковой для всего царства живого с тех пор, как в своих самых примитивных формах возникла жизнь. Мы с самого начала развивались в природе со всеми нашими устремлениями и глубокими инстинктами для решения экономических задач. Если же экономические проблемы будут решены, то человечество лишится своей первородной цели. Поэтому я с ужасом думаю о том, как следует переориентировать привычки и инстинкты обычного человека, которые складывались в его сознании в течение многих поколений и от которых мы теперь просим отказаться за несколько десятилетий. Выражаясь современным языком, не должны ли мы ожидать «нервного срыва»?.. Таким образом, впервые с момента своего появления человек стоит перед вызовом: как использовать свободу от насущных экономических вопросов, как занять досуг, который ему завоевала наука и растущий доход, для того чтобы жить мудро, в согласии и мире... Будут и другие перемены в других областях, которые, несомненно, придут, когда накопление богатства перестанет быть общественно значимым, глубокие*

*изменения произойдут и в моральных установках. Мы сможем отбросить многие псевдоморальные принципы, которые преследовали нас в течение двухсот лет, когда мы возвели некоторые наиболее отвратительные свойства человеческой природы в ранг наивысших добродетелей." В этой цитате трудно сократить какую-либо часть, но особенно хочется обратить внимание на последние слова. В разных выражениях об этом пишет каждый, кто пытается объективно взглянуть на ближайшее будущее человеческого общества. В частности, об этом упоминает в своем известном труде Э. Тоффлер [11], описывающий стадии развития, которые он называет волнами: волна аграрного производства, сменившая эпоху потребления природно предоставленных ресурсов, волна промышленного переворота и постиндустриальная волна, с ее диверсификацией индивидуальных мотивов и целых социальных институтов — ее смена примерно совпадает с фазовым переходом и точкой сингулярности, предсказанными в работах многих социологов и синергетиков [3][8]. На бытовом же уровне одним из признаков готовности человека к переходу на новый виток эволюции является ощущение, на котором он все чаще ловит себя: "Как скучно жить!"*

Рассуждая об эволюции человеческого общества в контексте универсальной истории [8], Назаретян подчеркивает неуклонное отдаление вида Homo Sapiens не только от стабильности, но и от естества, от природно заданных форм — как в аспекте жизнедеятельности, так и в социальной организации: *"Стержневая тенденция изменений, пронизывающая историю и предысторию общества, состояла в последовательных переходах от более естественных к менее естественным состояниям. Особенно выражен данный парадокс на переломных этапах: конструктивное преодоление каждого из антропогенных кризисов в социоприродных отношениях обеспечивалось не возвращением человека к природе, а, напротив, очередным удалением общества вместе с природной средой от естественного (дикого) состояния. Это касается типов хозяйствования (охота и собирательство естественнее скотоводства и земледелия, сельское хозяйство естественнее промышленности, промышленное производство естественнее информационного), степени инструментальной и когнитивной опосредованности действий, удельного веса искусственных, субъектно-волевых регуляторов социоприродной системы, соотношения сокращающегося биологического разнообразия и возрастающего культурного разнообразия и т.д."* К сожалению, общество продолжает находиться в плену парадигмы "натуральной морфологии и целеориентации", понимаемой в самой примитивной ее форме и выраженной на языке чувственного восприятия. То, что человек, как вид, не является константным образованием, осознается крайне малой частью населения — для подавляющего большинства история человечества представляется как абсолютная преемственность мотивов, идеалов, целей, оценочных критериев и самой морфологии агента. Там же: *"Создателями и носителями культуры на протяжении сотен тысяч лет были не люди нашего типа, а существа иных зоологических видов. Неантропы вырвали эстафетную палочку из рук палеоантропов, те, в свою очередь, — у архантропов, причем это каждый раз сопровождалось физическим истреблением предшественников. Печальная констатация того, что теперь и нынешний носитель культуры исчерпал свои возможности, не перекрывается даже надеждой на мягкие, компромиссные формы передачи эстафеты. Она вызывает протест и стремление найти альтернативу в духе «эгоцентрической футурологии»: будущее — отредактированная копия настоящего, а потомки — существа прекрасные, умные, благородные и при этом подозрительно похожие на меня."*

Эволюционные процессы отражают естественную закономерность, разумное принятие которой позволит обрести замену утраченным иллюзиям (проистекающим из сентиментальности и

эмоциональной установки в построении картины мира), и поэтому их важно воспринимать вне драматического контекста "невосполнимой утраты привычного уклада", преодолевая антропоцентрический страх перед "крахом идентичности". Наше будущее будет намного больше отличаться от настоящего, чем настоящее отличается от прошлого; при этом прогнозирование грядущих метаморфоз будет затрудняться инерцией общественного сознания и естественным сопротивлением, мешающими понять и принять вектор, суть и масштаб приближающихся изменений. Острота вопроса заключается в том, что собственно *человеческая* история (гуманистическая фаза) подошла к концу, и именно драматичность признания этого факта мешает взглянуть на его суть трезвым взором Человека Разумного, а не обезьяны, продолжающейся держаться за палку, которой она когда-то овладела. Если мы не преодолеем в себе это животное начало ("Человеческое, слишком человеческое, как правило, нечто животное." Р. Акутагава), если нас соблазнит иллюзорная обжитость простого аттрактора, цивилизация неминуемо сорвется в пикé регресса. Станислав Лем в своих социально-футурологических эссе [4] неоднократно клеймил химеру ортоэволюции, этот мираж, навеянный сентиментальным обожанием собственного естества, выдающим крайне зашоренный и физиологичный подход к пониманию человеческой природы и Природы в целом — подход, в котором намного больше от всех предков Homo Sapiens, чем от него самого.

В своей работе Назаретян прямо заключает, что планетарная цивилизация в настоящий момент находится перед выбором, одним из вариантов которого является *"беспримечательный по крутизне виток «удаления от естества» (что во всех переломных эпохах обеспечивало преодоление антропогенного кризиса)"*, а вторым — стагнация и полное вырождение. Любые попытки подойти к решению этой задачи с романтических позиций изначально являются деструктивными, сама претензия заменить просвещение сентиментальностью выдает рудименты самоидентификации, препятствующие нашим попыткам преодолеть наследие обезьяны. Для любого живого существа, достигнув определенного сложности организации и функциональности когнитивного аппарата характерна "убежденность" в том, что он является венцом эволюции. Ни один таракан, окунь или крокодил не догадывается о существовании Homo Sapiens (как мыслящих существ, как творцов и активных преобразователей природы) — для всех их человек является просто частью окружающей среды, в лучшем случае опознающейся как объект-угроза или объект-жертва. Ни один предшествующий человеку эволюционный вид не осознает наличие рядом с ним представителей более совершенных ступеней развития эволюции — он их просто не замечает, не в силах обнаружить. Человек, полагаящий себя венцом эволюции, так же не замечает любых превосходящих его представителей следующих стадий, результаты их деятельности он способен воспринимать точно так же, как окружающие его животные воспринимают его собственную активность — в качестве обычного природного феномена, не обнаруживающего ни понятных ему закономерностей, ни охватываемой его этикой целенаправленности. Надо ли говорить, что причина этого необнаружения лежит исключительно в ограниченности самого воспринимающего.

Немало философов впадают в восторженное самообольщение, когда антропоцентрически переоценивают достижения своего вида [13]: *"Благодаря речи и труду в условиях общественной жизни, человек поднялся над природой (Холличер, 1971). Он — единственный биологический организм, вышедший за пределы биологической эволюции (Дубинин, 1983)."*; при некотором воображении подобные дифирамбы можно легко представить торжествующе звучащими в муравейнике, обитатели которого имеет все основания считать себя высшими существами, поскольку

их уровню восприятия и осмысления окружающего мира доступна лишь наличествующая у них общественная организация муравейника, являя собой предел совершенства, а по ниспадающей — все более примитивные формы, которые ей уступают: жуки, гусеницы, тля etc. Надо полагать, что любой организм, способный воспринимать мир в лучшем случае не выше уровня сложности собственной организации и своих аналитических способностей, будет неизбежно приходить к "обоснованному умозаключению" о том, что именно он *является* (себе самому) вершиной эволюционного развития и "царем природы". Здесь мы уже не можем обойти вопрос о роли когнитивной функции и пределе ее возможностей в соматическом агенте.

**Конец романтизации природного наследия — развитие Разума, как частного случая самоорганизации в природе, не может быть ограничено физиологическим носителем, потребностями, которые он обуславливает, или целями, которые он способен сформулировать.**

Романтически настроенные гуманисты, превозносящие когнитивные способности Homo Sapiens, должны отдавать себе отчет, что из примитивного понимания задачи Разума как инструмента приумножения и сохранности человеческого рода неизбежно следует отрицание перспективы развития самого Разума. Если мы действительно так очарованы его достижениями, то должны согласиться с тем, что Ratio уже становится тесно в его текущем транспортном агенте, потребности природной организации которого уже не столько стимулируют его прогресс, сколько сковывают его рост пещерным статусом сервильного механизма самосохранения. Любое применение инструмента, превосходящего своими возможностями задачи, которые пытаются решать с его помощью, приводит как к деградации этого инструмента, так и к искажению постановки самих этих задач [16].

Разум в его сегодняшнем понимании необходим лишь в таких условиях, где воля вынуждена преодолевать сопротивление косной материи. Вне этих условий когнитивные способности бесполезны и не способны найти для себя применение. Здесь мы находим полную аналогию с мускульной силой, которая необходима до тех пор, пока человек оперирует собственными руками — едва он начинает использовать кнопки и верньеры, управляя значительно более мощными механизмами, его собственные мускулы теряют значение, уступая свою роль сложности организации нервных процессов. И даже это не предел — руки человека, как изошренные и искусные манипуляторы, долгое время были востребованы как промежуточный интерфейс воплощения в мире физических объектов собственных ментальных набросков. Едва лишь на его смену приходит функция речи (вообще, любого вербального формата коммуникации), как необходимость в материальном интерфейсе падает до минимума. Однако и сама человеческая речь, насыщенная богатыми смысловыми оттенками, также имеет естественные ограничения своего функционала. При открытии возможности считывания смысловосущих интенций напрямую из неокортекса (работы над чем уже ведутся и дают первые результаты), череда звеньев промежуточных интерфейсов вновь будет сокращена. Существуют все основания полагать, что этот шаг не последний в приближении Разума и Воли к взаимодействию со Средой — естественно, при условии эволюции представлений о самом Разуме и о задачах, которые перед ним ставятся.

Подобные посредники должны постепенно сокращаться — сами по себе когнитивные способности также имеют строго ограниченное пространство собственной значимости и оправданности, и это пространство очерчено отношением физического мира к миру интенций, волений. Едва открывается возможность замыкания воли на картину реальности (не вычлняя из нее частные объекты, а

воспринимая ее целиком), как значительная часть мыслительных процессов, решающие задачи двухстадийного преобразования "потребности" в "идею решения" и далее — в "техническое исполнение", теряет весь свой смысл и исключается как избыточное звено. Само рациональное мышление, воспеваемое как венец самоорганизующейся материи, как высшая суть становящегося бытия, оказывается очередным временным образованием, пополняя когорту рудиментарных функций, органов и аппаратов. Слепой пользуется палочкой потому что она дает ему возможность дистанционно исследовать объекты окружающей среды, позволяя ему выстраивать необходимую для выживания модель реальности, релевантность которой заведомо уступает аналогичной модели, построенной зрячим. Глаза зрячего дают ему материал для более оперативного и насыщенного деталями наброска — он может обойтись как без палочки, так и без самих рук. Однако оба они в своем представлении оперируют не картиной реальности, а картиной модели, чрезвычайно (и зачастую критически) неполной, сильно искаженной ожиданиями и опасениями субъекта, его персональными потребностями, продиктованных морфологией. Прагматика модели обуславливает также степень и форму этого искажения, и до тех пор, пока эта необходимость продиктована противодействием "интенции" и "материи", сохраняется нужда во многих опосредующих интерфейсах, в число которых входят кажущиеся нам сейчас незаменимыми разнообразными органы чувств, интуитивные прозрения и прочие "палочки" и костыли. В их число входит и воспеваемый гуманистами Человеческий Разум. Возможно ли допустить возникновение устойчивой интенции там, где нет никакого сопротивления материи, где любая интенция без каких-либо преград претворяется в реальность, где стерта сама граница между "волей" и "данностью"? Ответ: да, возможно, если фокус содержания воления приходится на самую сущность воления, если интенция обращена на организацию и эволюцию самой интенциональности, когда суть воления заключена в диверсификации и постоянном усложнении самих интенций, а не той канвы, в которой они, вплетаясь, строят наброски ландшафта "реальности". Здесь реальность представляет уже не целевые объекты, на которые интенция направлена и сфокусирована, а всего лишь рабочий материал, который полностью подвластен волеющему началу, пластичный, покорный и не требующий какого-либо "изучения", "моделирования" или прочих подобных способов фрагментарного "отражения" на функционале какого-либо "разума". Здесь мы позволили себе несколько увлечься и забежать вперед, вместо того, чтобы перечислить те сценарии грядущего, которые нам услужливо разрабатывают гуманистически настроенные футурологи, социологи и радетели "сохранения и приумножения человечества силами могучего Разума".

**Это не ошибка, это – будущее**

**Научные предсказания “нашего будущего”, или т.н. форсайты — это игра с набором затасканных шаблонов, смысл которых заключается в обслуживании инстинктов и привычек, сложившихся за миллионы лет эволюции. Проекция на будущее идеалов и страхов вчерашнего дня — самый верный способ убить это будущее на корню.**

Во всех предсказаниях, относящихся к перспективам развития нашей цивилизации варианты будущего могут быть какими угодно, они могут описывать как космическую экспансию, так и любые виды

апокалипсиса, однако в каждом из них обязательно должен присутствовать константный агент — сам объект прогноза. Даже в таком варианте будущего, в котором человеческая цивилизация полностью гибнет, уничтожив саму себя или в результате прибытия на Землю инопланетных захватчиков, это будущее все равно относится к ней — это будущее ее конца, изложенное в семантическом пространстве человеческой цивилизации, понятное и доступное в рамках ее онтологии. Попытка представить будущее, которое одновременно не содержит ни описания гибели нашей цивилизации, ни ее следов пребывания в известной нам реальности, обречена на провал и недоуменный вопрос: “Это вообще о чем?”

В сущности, здесь подвох заключен в самой постановке задачи — описание “нашего будущего” на сколь угодно далекий срок имплицитно подразумевает вечность и неизменность как самой нашей цивилизации, так и определения “*homo sapiens*”. Пытаясь проработать варианты будущего, футуролог отталкивается от априорных ценностей, заданных ему на инстинктивном уровне, поддерживающихся эмоциональными ограничителями воображения и санкционированных моралью своего социального окружения. Любые попытки рационального исследования изначально ограждены набором строгих запретов, одним из требований которых является крайне негативное отношение к такому варианту будущего, в котором отсутствует главный актер, его потомки, культурное наследие его общества, весь его род и какие-либо следы его жизнедеятельности. Таким образом, мы проецируем систему табу сегодняшнего дня на будущие конструкции, заведомо обрекая на ложность любые построения и предсказания, производимые в рамках данной системы, поскольку будущее отличается от настоящего в первую очередь изменением самих этих табу и смещением всей сетки ценностных ориентиров.

Этот подход прослеживается на всех уровнях деятельности современного общества — в быту, промышленности, культурной сфере и в научной среде. Обывателей ублажают и стимулируют к активности образами “похожего на сегодня улучшенного завтра”, которое “ожидает” их потомство; развитие производства планируется с учетом на неизменную прогрессию наличествующих потребностей; культура холит и лелеет ценностную систему, которую эти потребности сформировали. Не стоят в стороне от этого процесса и футурологи — они генерируют варианты будущего, основываясь на впитанных из прошлого культурных тотемах и табу, бессознательно экстраполируя установки организмической природы отдельно взятой ветки живой материи на поведение и смысл бытия всей Природы, выстраивая свои прогнозы на атрибутированных футуристическими виньетками эволюционных достижениях, не замечая, что некоторые из них постепенно переходят в категорию атавистического наследия.

Люди, способные с открытыми глазами смотреть в будущее (не обременяя себя задачей выискивания в нем “своего будущего”), никогда не станут эгоистами, рутинерами и мещанами, живущими в рамках пещерных интересов, продиктованных приматом физиологии. Глядя на самцов и самок, оправдывающих убогость своих жизненных приоритетов задачами содержания потомства и воспитания его в данной системе ценностей (передавая ему по эстафете собственные жизненные установки “на завтра”, которое в их представлении “подобно сегодня, являющемуся копией вчера”), становится ясно, что цивилизации жизненно необходимы периодически возникающие кризисы, не дающие мещанскому большинству зафиксироваться на достигнутой фазе эволюции. Человеческое общество заинтересовано в таких потрясениях, в которых самодовольство приспособившихся млекопитающих периодически сменялось бы разорванными шаблонами, стрессовой дезориентацией и необходимостью заниматься поисками себя. *“О том, насколько силен эгоцентризм многих наших*



современников, свидетельствует простое наблюдение. Указав на неизбежную в близком будущем переменную расового состава человечества (из-за неравномерности демографических процессов), вы можете натолкнуться на такую же болезненную реакцию, как при упоминании о «послечеловеческой» цивилизации. Особенно если речь пойдет не только о человечестве вообще, но и о населении родной страны. Поистине, история — это то, чего никто не хочет.» [8] — пишет Назаретян, и мы можем продолжить его мысль в более категорической форме: **"Эволюция — это то, чего никто не желает."**

Очевидно, проблема заключается в адекватности определения самой цели, которую преследует форсайт. Если эта цель отражает стремление к истине и объективности, не ограниченное гуманистической парадигмой, доминирующей моралью и представлениями о "здравом смысле", то предсказание может претендовать на достоверность. В противном случае, когда целью предсказания является выработка плана приспособления заказчика форсайта к будущим вариантам существующего "здесь и сейчас", прогноз перемещается из пространства объективно допустимой реальности в сферу вытесненных желаний, неосознанных страхов или (что еще хуже, но не реже встречается) — корпоративных "темников", социальных заказов или идеологических догм. Практически все планы по выработке стратегии поведения в будущем грешат гипертрофированной проекцией системы ценностей сегодняшнего дня и установок наличествующих общественных структур на неопределенно бесконечную перспективу. Надо ли говорить, что эта система отнюдь не такая незыблемая, как нам может казаться, и даже в отношении самых "безусловно важных" аксиоматических понятий, в первую очередь: Личности, Семьи, Сохранения вида, Жизни, Культурного наследия — способна и обязана рано или поздно полностью измениться. Здесь фантастический роман А. Кларка и С. Бакстера "Свет иных дней" может послужить хорошим примером того, как технологический прорыв в самой, казалось бы, невинной области масс-медиа способен привести к тотальной перестройке всего общества, перевернуть всю систему ценностей, вызвать переформатирование цивилизации и полностью изменить представления индивида о себе самом и смысле своего бытия.

Возвратимся пока к нашим провидцам. Уровень тщетности их притязаний можно представить на примере гипотетического варианта форсайта, который мог бы быть составлен под авторством кембрийской биоты до периода освоения ею суши. С каким презрением были бы охарактеризованы "непригодные для жизни" воздушные просторы, с каким ужасом отвергались бы "теоретически грозящие виду" перспективы хождения на уродливых отвердевших задних плавниках. Эти прогнозы опирались бы не на идею освоения суши за счет полного видоизменения биоты, а на "передовую концепцию прогрессивного терраформинга необитаемой среды", идею "покорения враждебной суши" и превращения ее в прекрасный голубой и чистый водоем, обильно заселенный необходимым для жизни планктоном и изысканными водорослями. При этом особо недоступные участки суши осваивались бы в персональных передвижных микробассейнах-аквариумах... Примерно таким мог бы быть форсайт от наших жабродышащих предков. И конечно же, во главу угла была бы поставлена "великая и благородная" задача достижения максимально продуктивного икрометания ради бесконечного роста популяции. Риторический вопрос: сильно ли отличаются форсайты, генерируемые современными футурологами, от этого "кембрийского прогноза"?

Подобная ошибка на бытовом уровне приводит к ограниченности целеполагания (выхолащивая мотивационную сферу индивидуума до мещански-потребительской целеориентации), а на глобальном политэкономическом — к параноидальной жажде власти, выражающейся в эксплуатации и

антагонизме между субъектами национального уровня. Те, кто волей судеб добиваются до власти, сочетают в себе оба мотивационных вектора (которые весьма комплементарны), на долю остального народа остается лишь задача "выживания и обеспечения потомства". Подавляющая часть населения совершенно не заинтересована в каких-либо эволюционных процессах, и вообще не ставит перед собой задачи изменения самих себя или собственных социальных отношений. Их привлекает прямо противоположное — сохранение status quo, предсказуемость условий быта, гарантированность привычных впечатлений [16] и линейная прогнозируемость будущего для своего наследия (потомства, плодов деятельности, etc.). Эти желания детерминированы древними как мир механизмами приспособления и поисками комфортной ниши выживания, но они же являются также и главным аргументом против призывов предоставить какому-либо организму способность жить сколь угодно долго. Именно потому что основная масса принципиально инертна, предпочитая вертикальному развитию бесконечное горизонтальное обживание знакомого пространства, человеческий вид не способен выжить без таких кризисов, в которых у этой массы не будет никакого иного выхода, кроме как эволюционировать, изменяться, развиваться и перешагивать через себя-вчерашнего. Нет нужды говорить, что все мы в той или иной мере представляем собой тип таких людей. У каждого из нас есть предел гибкости, после которого он превращается в консерватора, не принимающего неизбежность изменений, но ратующего за сохранение традиций. С этим выводом все настолько же легко готовы согласиться, насколько грубо-эмоционально откажутся от признания факта, что в число подобных традиций входят "институт семьи", "гуманистическая мораль", "любовь к жизни", "сохранение рода", "человек-превыше-всего" и прочие тотемы нашей культуры, которые в современном цивилизованном обществе никому не позволено ставить под сомнение.

Резюмируем: заказчик прогностического исследования не имеет права помещать себя в будущее в качестве постоянной величины. Вместо этого он обязан фигурировать в уравнении наравне с трендами рынка, быстро меняющейся модой, атмосферными условиями, природными ресурсами и даже явлениями из категории "черных лебедей" (непредсказуемых форс мажорных факторов). До тех пор, пока футуролог не найдет в себе силы выйти за рамки парадигмы "выживающего млекопитающего", он никогда не сможет увидеть перспективы развития носителя разума и дать им объективную оценку. Пора переносить акцент в определении Homo Sapiens с первого слова на второе.

**Физиологизм парадигмы млекопитающего, определяющий отношение к себе самому и к окружающему миру, служит почвой для древних страхов, защита от которых проявляется в форме установки на безграничное потребление, безраздельную власть над природой, беспредельную пролонгацию жизни и бесконтрольное размножение.**

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что любой носитель ratio (разума), представляя из себя объект с ограниченными возможностями выживания в окружающей среде, чья вариативность выражается бесконечной величиной (Вселенная), задачу сохранения и распространения своей разумности может решить лишь по пути элиминации затрат на противостояние субъект-объектного характера, по пути отхода от парадигмы переделывания природы "под себя" (подразумевающее расходование бесконечного объема энергии, что наиболее прямолинейные футурологи считают "неизбежным следствием и самым очевидным признаком деятельности сверхцивилизаций"). Здесь тот самый случай гармоничного отождествления Разума и Этики, о котором говорили Сократ, Паскаль и множество других философов — когда рациональный подход идет рука об руку с подлинной моралью, не нуждающейся ни в каких догматических костылях или искусственно навязанных страхах, поскольку

в такой установке мы заранее учитываем возможность сосуществования во Вселенной наравне с нами бесконечного количества иных разумных форм. Если хотя бы несколько из них начнут идти по пути переделывания природы под требования собственной морфологии и станут перекраивать структуру мира по системе ценностей, сформированной на базе собственной физической реализации — неизбежно наступление галактического хаоса, войны миров вселенского масштаба — что, скорее всего, повлечет за собой конец всего Разума в доступных пределах пространства-времени. Поэтому хочется надеяться, что близящийся фазовый переход, который Вернор Виндж назвал "технологической сингулярностью", является закономерной фазой развития каждой цивилизации, пытающейся выйти из формы агрессивной и экспансионистски настроенной разумной слизи, распространившейся по поверхности одной-единственной планеты.

Здесь пришло время ознакомиться с теми задачами и вариантами их решений, которые ведущими футурологическими направлениями определены как главные заботы современного человечества. "Футурология" [12] под авторством А. Турчина и М. Батина содержит достаточно обстоятельное их перечисление, поэтому основные тезисы процитируем из этого источника. Начнем с общей идеологической установки, которой футурологи подготавливают поле для формулировки техзадач, стоящих перед нашей цивилизацией. *"Ценности — это культурно обусловленные формы реализации генетических программ."* [12]. С этим трудно поспорить. Однако если ограничить свое целеполагание исключительно генетической программой (суть которой сводится не более чем к выживанию вида), то окажется, что ценности любого вида (будучи производными от задач его программы) эквивалентны ценностям всех прочих видов. Другими словами, взаимное выискивание обезьянами друг у друга насекомых, являющееся частью их социального поведения (груминг), элементом культуры приматов и их поведенческой ценностью, становится эквивалентным ухаживанию интеллигента, пригласившего даму на премьеру в театр (по существу, преследуя ту же самую цель). Но самая главная ошибка даже не в бессмысленности подобного подхода к определению фундамента аксиологии. До тех пор, пока ценности обслуживают генетическую программу, не выходя за узкий круг ее функционала, ни одна из этих ценностей не может служить основанием для формирования адекватного отношения к тому, что способно возникнуть в результате борьбы данного вида за существование (сперва как побочный продукт, как параллельная сущность, которая постепенно обретает самостоятельное значение). Ни одна из генетически обусловленных "ценностей" — сугубо инструментальных, несамостоятельных и вторичных — никогда не сможет предоставить систему адекватной оценки значения Разума, Речи, Сознания — всех тех институтов, которые первоначально также являлись служебными аппаратами адаптации млекопитающих к окружающей среде и помощниками в борьбе за существование.

Самое интересное начинается, когда футурологи переходят от общих сентенций к конкретным формулировкам. Легко убедиться, что даже разговаривая о возможной эволюции системы ценностей, авторы прогнозов постоянно демонстрируют свое категорическое нежелание подняться в своих рассуждениях о будущем Homo Sapiens над заботами "выживающего млекопитающего" [12]: *"Судьба цивилизации в ближайшие десятилетия очень зависит от ценностей и способов их изменения, а также от лидеров, которые возьмут на себя ответственность за реализацию задач прогресса"* — прекрасный образец того, как можно, начав "за здоровье", кончить "за упокой" (продолжение цитаты): *"От того, какими будут глобальные ценности, зависит, будут ли созданы лекарства от старости через 20 лет или через 150. А этим определяются личные шансы на бессмертие каждого читателя этой книги."* По сути дела, именно в этом обороте заключена квинтэссенция подавляющего

большинства всех футурологических прогнозов и концепций "возможного будущего". В каждом из рассматриваемых вариантов авторы форсайта демонстрируют нам — с одной стороны атавистическую жажду "еще больше жизни в форме потребляемых пространств, ресурсов, освоенных площадей и контролируемой энергии", с другой — отчаянный страх перед технологическими возможностями, требующих от человеческого общества диверсификации его структуры и отказа от привычных паттернов самореализации.

Одним из самых показательных примеров здесь является отношение к проблеме искусственного интеллекта и поискам веземного разума (вообще любой разумной силы, не входящей в состав цивилизации Homo Sapiens). С одной стороны, футурологи демонстрируют крайне зашоренное представление о значении подобного рода явлений (сводя их к инструментальной пользе в аспекте применения к текущим потребностям рода млекопитающих), цитата [12]: *"Мир победившего ИИ — это мир, где нет человеческой смерти, старения и материального недостатка."* С другой стороны, демонстрируется отчаянная фобия антропоцентриста (там же): *"...еще с 1960-х годов известно, что программа SETI несет в себе риск для человечества. По ее каналам возможна загрузка враждебного инопланетного ИИ, который поработит нашу планету и использует ее для рассылки своих копий дальше во Вселенную."* Не будем комментировать вольное употребление авторами оборота *"известно"*, а также ту безапелляционность, с которой они оценивают такие гипотетические сущности, какими являются иноземный разум, искусственный интеллект и сами формы допустимых контактов с ними. Вместо этого прокомментируем эту фобию словами А. Назаретяна [8]: *"...итоги нашего исследования показывают, что интеллект способен вырабатывать механизмы самоконтроля. И позволяют считать сократовскую формулу «Мудрому не нужен закон — у него есть разум» безотносительной к материальной форме субъекта, и тем более актуальной, чем выше уровень интеллектуального развития. Если в общественном сознании, со своей стороны, не возобладают луддитские настроения, то правдоподобным представляется сценарий сохраняющего симбиоза, без которого не может обойтись биологически слабеющее человечество, по вектору дальнейшей «денатурализации» социоприродных систем."*

Вообще, выдуманная спекулирующими на атавистичных страхах человека социологами и эксплуатирующаяся бульварными фантастами идея *"агрессивного сверхразума"* представляет из себя такой же оксюморон, какими являются обороты *"чахоточный богатырь"* или *"квадратный круг"*. Агрессивность может быть или неизжитым наследием ранних фаз эволюции сражавшегося за выживание млекопитающего [5] или же быть обусловлена недостаточно развитым технологическим уровнем, в котором аксиоматично принято конкурентное отношение к *другим*, а феномены окружающей среды разделены на две категории: "ценные ресурсы" и "угрожающие соперники". Для тех случаев, когда агрессивность является древним комплексом психосоматической организации, очистительным фактором выступают те самые кризисы, которые вынуждают эволюционирующий вид перестраиваться, меняя собственную самоидентификацию, организационную структуру общества и представления о целях своего существования, в противном случае вид просто не выживает. В условиях же, когда же агрессивность продолжает оставаться вынужденной реакцией на потребность вести постоянную борьбу за ресурсы, не может быть никакой речи о той или иной форме сверхразума. Как было показано выше, даже на текущем уровне развития технологий человечество уже рассталось с угрозой недостатка ресурсов, и в настоящий момент все его проблемы проистекают исключительно из-за неконтролируемых атавистических комплексов и пещерного наследия, довлеющего в

целеориентации его деятельности. Подлинно свободный разум не обременен задачами конкуренции, не находится в оппозиционном отношении к чему бы то ни было, поскольку сама идея "борьбы начал", "соревнования" и "противоборства" для него является признаком неполноценности картины, несовершенства модели и нерациональности распределения мотивационной энергии.

В отношении к этому вопросу мы опять наблюдаем разделение общества на два лагеря, упоминавшихся выше. Первый лагерь состоит из традиционалистов и консерваторов, которые видят в прогрессе лишь "улучшение того, что было изначально" и "продление данности до максимально возможных пределов" (в идеале до бесконечности), в их лозунгах и призывах прослеживается самый примитивный физиологизм — даже тогда, когда они пытаются мыслить общекосмическими категориями [12]: *"Циолковского, высказавшего мысль: «Земля — колыбель человечества, но не вечно же жить в колыбели!»*, вдохновляли идеи русского мыслителя Н. Ф. Фёдорова, сформулированные в труде «Общее дело». Именно Фёдоров, мечтающий воскресить всех людей, когда-либо живущих на Земле, впервые заявил о том, что перед восстановленным во всей полноте человечеством лежит путь к освоению всего космического пространства." Второй лагерь составлен крайне немногочисленной группой лиц, осознающих неизбежную и последовательную эволюционную смену новым старому, понимающих необходимость постоянного отказа от привычных форм и нормативов [8]: *"Перспектива усиления искусственного начала настолько соответствует общеэволюционной тенденции и, главное, так явственно подсказывается обостряющимися экзистенциальными проблемами (накопление генетического груза и т.д.), что альтернативу ей, судя по всему, мог бы составить только окончательный крах планетарной цивилизации."*

Фамилия Циолковского не зря всплыла в наших рассуждениях. Его представление о космическом будущем человечества оказало значительное влияние на большинство современных футурологов — несмотря на то, что несет в себе довольно примитивные представления автора как о самом человечестве, так и о назначенном для освоения "звездном плацдарме". Увы, но все надежды на освоение галактики и покорение вселенной, все наивные планы т.н. звездной экспансии человечества свидетельствуют лишь о тщетности и бессмысленности претензий на эту цель. Любой вид, дерзнувший освоить и покорить подобное явление, сам неизбежно окажется "освоенным", пройдя через ряд таких глубоких трансформаций, которые напрочь исключают какое-либо отождествление между стартовавшими в этой гонке и финишировавшими (если таковые вообще возможны). Сам человеческий мозг, принципы его работы, уровень его организации, сформировавшийся исключительно в контексте решения задач земного характера и ограниченных масштабов, не способен построить адекватную модель тех невообразимых пространств и разнообразия миров, которые находятся за пределами его обжитой планеты. Мы сами не замечаем, как расписываемся в неспособности понять неадекватность своих метафор, с помощью которых пробуем рассуждать о выходящих за наши привычные масштабы жизнедеятельности явлениях, наивно экстраполируя шаблон обживания очередного участка лесостепи на явления космического масштаба. Пространство и время, выходящие за те порядки величин, которые доступны для нашего непосредственного восприятия (это, как правило, период человеческой жизни и дистанции в пределах тысячи километров), ускользают от нашего восприятия, не поддаются оценке, не дают возможности оперирования ими непосредственно, а не опосредованно числами, с которыми мы их связываем в отчуждающей математической абстракции. Когда мы говорим о количестве населения, наш разум оказывается еще менее приспособленным к такого рода понятиям — относиться к группе живых единиц, как к полноценным индивидуумам, он

способен лишь до величины группы порядка несколько дюжин человек, это — община, семья, ячейка с близкородственными членами. Все, что превосходит этот масштаб, становится для нас "толпой", "группой", "массой", "народом" и т.п. переменными, по отношению к которым нам приходится затрачивать значительное усилие, чтобы сохранять теплый человеческий подход, подразумевающий эквивалентность каждой единицы группы нам самим. И это не хорошо и не плохо — это данность, это факт, это единственное, что у нас есть — наша природная сущность, наша психосоматическая природа, сформированная за миллионы лет эволюции. Уже сейчас мы теряемся в открывшихся для нас масштабах коммуникаций, в силе воздействия на окружающий мир, в плотности и разнообразии информационных потоков, ежеминутно обрушивающихся на наши органы восприятия и системы анализа. Кем нужно быть, каким ограниченным и ослепленным тщеславием существом, чтобы при этом еще претендовать на такое будущее, в котором все эти стрессовые факторы гипертрофированно усилены на сотни тысяч порядков — в наивных рассуждениях о бесконечном количественном усилении своего присутствия во Вселенной?

Но даже в том, что мы так наивны в своих экспансионистских мечтаниях и надеждах, нет ничего плохого или пагубного. Эта модель поведения — такой же унаследованный паттерн приспособления, аппарат нашей адаптации, как и все прочие, как и вся наша организация. Всю историю эволюции нашего вида мы пользовались им, не задумываясь о том, что полезное и функциональное в чем-то одном неизбежно окажется вредным и бессмысленным в другом. Контекст нашего существования не просто кардинально меняется, подчиняясь закону перехода накопившихся количественных эффектов в качественную ступень — теперь само понятие существования подвергается переосмыслению. Все это означает не наступление тупика, не драматический "финал человечества", но окончание дороги развилкой, после которой лишь у одного из выбранных путей есть перспектива, в то время как второй поворачивает назад и ведет к обрыву.

**К сожалению, можно констатировать, что рудиментарный комплекс антропоморфного самосознания оказывает значительное влияние даже на передовых мыслителей эпохи.**

Вернор Виндж, автор определения "технологическая сингулярность" признавался в одноименной статье, что ему было бы приятнее, если бы его от этого события отделяла тысяча лет, а не пара десятков. Тот же Назаретян, в целом оптимистично смотрящий на перспективы, которые несет человечеству очередной кризис, в то же время замечает [8]: *"Утешением для нас могло бы служить то, что человеческая эпопея способна положить начало следующей, более высокой фазе эволюции интеллекта. А вдохновляющим мотивом — то, что дальнейшее развитие цивилизации, даже с жертвой «человеческого качества», обеспечивает косвенную форму бессмертия личности, ее уникального творческого вклада. Хотя, признаюсь, я был бы искренне признателен ученому, который бы смог предложить правдоподобный сценарий сохранения цивилизации в ее сугубо «человеческом» обличье."*

Возвращаясь к проблеме поисков внеземных цивилизаций и пытаюсь преодолеть парадокс отсутствия следов их деятельности в наблюдаемой части космоса (в нашей современной трактовке этих терминов) большинство аналитиков совершает типовую ошибку проекции современных мотивов человечества, ценностных установок, господствующей морали и формы взаимодействия человека с природой на все возможные формы Разума во Вселенной (спектр вариативности которых для неантропоцентрически настроенного мыслителя бесконечно широк). Представители астрономии и

астрофизики (например: С. Хокинз, Р. Пенроуз, И. Шкловский) подразумевали константными как собственный интерес к установлению контакта с иными цивилизациями (*nota bene* – свойственный нашей цивилизации лишь с очень недавнего времени и наивно-прямолинейно проецируемый на необозримое будущее), так и формат воздействия на природу, выражающийся в насильственном вмешательстве в ее естественные процессы (в столь же наивном предположении, что масштабы онога обязаны так же экспоненциально возрастать в будущем, как они росли в прошлом). Редко кто осмеливался допустить мысль о том, что сверхцивилизация, понимаемая как Разум, поднявшийся до космических масштабов в своей функциональности и глубине взаимодействия с Природой, отличается от протоцивилизации (к каковой мы сейчас относимся) именно тем, что первая способна достигать своих целей кардинально иными методами, при которых результаты ее воздействия на окружающую природу и естественный порядок событий перестают восприниматься как имеющие искусственное происхождение. Уже сейчас многие из совершаемых нами актов воздействия на косную материю несут все больше характера "тонкого манипулирования" законами ее поведения. По сути дела, в этом отражен весь технологический прогресс: сперва человек эксплуатировал предоставленные ему природой натуральные объекты, оперируя ими на макро-уровне; впоследствии он научился создавать качественно новые артефакты; затем, с открытием нано-технологий, его влияние переместилось на микро-уровень, перестав быть заметным органами чувств: и, наконец, в настоящую эпоху его интерфейс взаимодействия с природой переходит в информационную плоскость. Для животных, находящихся на низших уровнях развития, древние племена охотников еще воспринимались наравне с прочими хищниками (т.е. были обнаружимы в качестве некоей "силы", подобие которой мы сейчас пытаемся найти в космосе в виде "следов деятельности внеземных цивилизаций"). Переход к оседлому образу жизни и аграрная революция скрыли природную активность консументов от их жертв (большинства млекопитающих, входящих в трофическую цепь), превратив человека из хищника в один из природных факторов, формирующих их среду обитания. Продолжая описывать гипотетические впечатления условного представителя млекопитающих, "наблюдающего" за нашей эволюцией, можно утверждать, что промышленная революция вытеснила нас из природных категорий биоценоза, превратив человечество в силу геологического масштаба — еще более отдаляя ее от представлений животного о допустимых формах проявления "истинно животного поведения". Информационный уровень оперирования окончательно вытеснит цивилизацию из спектра феноменов, имеющих материальные свидетельства или влекущих за собой такие энергетические траты, которые могут быть обнаружены в интересующем нас диапазоне значений.

Внимания заслуживает само то рвение, с которым мы-сегодняшние, упиваясь сознанием своей высокой миссии "носителей разума", стремимся обнаружить себе подобных. Что именно заставляет нас искать контакта и контактеров? Если хладнокровно проанализировать мотивы, их окажется совсем немного: 1) поиск ради избавления от острого чувства одиночества и вызванного им страха "представителя аномального отклонения в мертвой и пустой Вселенной"; 2) поиск ради обретения старшего товарища, способного решить проблемы, перед которыми пасуем мы сами; 3) поиск врага, чтобы конкретизировать ожидаемую угрозу, которая всегда тем сложнее и опаснее, чем менее определена ее форма и содержание. По сути дела, на этом перечисление причин исчерпывается. Два последних пункта наиболее органичны для психологии любого млекопитающего и недаром представляют собой канву большинства произведений фантастической литературы и бульварных "футурологических форсайтов". Первый же основан на присущей хомо сапиенсу потребности в социализации, и также является проекцией привычных земных паттернов и антропных нестыковок на

галактические масштабы. Может ли сверхцивилизация, гармонично вписавшаяся во Вселенную, испытывать подобные комплексы — страх одиночества, потребность в помощи или нужду в защите (как компенсацию собственной агрессии)? Конечно же, нет. Это явно противоречит самому определению сверхцивилизации, данному выше. В таком случае — как и где могут существовать эти Иные носители Высшего Разума? Ответ напрашивается сам собой: везде, где существует природа и даже за ее пределами, совсем рядом с нами, но при этом совершенно "прозрачно" для наших попыток обнаружить их. Именно про это писал Лем, говоря про альтернативный ортоэволюции путь [4]: *"У гипотетической сверхцивилизации энергетика сама по себе не составляет специфической аппаратуры, предназначенной для сигнализации во Вселенной о существовании этой цивилизации. И, быть может, поэтому как бы случайно возникает своего рода «камуфляж»: то, что для «тех» представляет собой искусственное, мы будем истолковывать как созданное силами природы, насколько известные нам естественные законы позволяют нам это."*

Сверхцивилизация органично встраивается в существующую природу, активно действует вместе с ней, но при этом ни в малейшей степени не нарушает естественный ход событий, соблюдение и сохранение которого становится ее главным принципом существования. Это ни в коем случае не подразумевает сознательного мотива "маскирования" своей жизнедеятельности или "скрывания" от кого-либо (как часто фантазируют обожающие апелляции к дремучим человеческим фобиям беллетристы). Мотивы сверхцивилизации, будучи свободными от необходимости "борьбы за существование", являются совершенно свободными от потребности перекраивания материальной реальности. Обладая на своем уровне развития средствами, позволяющими ей избегать насилия над процессами и объектами путем их насильственного метаморфоза (разжигание костра, возведение мостов, перемещение рек, взрывы астероидов), сверхцивилизация более не нуждается в насильственном извлечении откуда-либо бездн энергии (выкачивая ее из одних систем для того, чтобы с теми или иными потерями столь же насильственно закачать в другие). Такой Разум уже не выдает всплески энтропии вокруг себя (что мы наивно полагаем неизбежным признаком его деятельности), его знания и технологии позволяют ему достигать поставленные перед собой цели без подобного варварского и примитивного вмешательства. Со стороны воображаемого внешнего наблюдателя, остающегося на уровне наших привычных представлений, процесс перехода цивилизации в сверхцивилизацию будет выглядеть как постепенное исчезновение ее — как растворение в природе, возможно даже как смерть, как прекращение жизнедеятельности, как поглощение окружающей средой. Именно такой подход — как с этико-эволюционной позиции, так и в аспекте вопросов антропного принципа — можно считать единственно приемлемым. Самое главное, что он позволяет ответить не только на вопрос: "где они, почему мы их не видим?" (успокаивая как впавших в досаду одиночества: "неужели мы совершенно одни?", так и параноиков: "их не видно, поскольку они коварно затаились!"), но и дать некоторые штриховые наброски для представления самой сути сверхцивилизаций — их фокуса интересов и направления их деятельности. Станислав Лем в "Сумме технологий" [4] высказал ряд удачных предположений на этот счет, отмечая, что умелое регулирование природных процессов позволяет извлечь больше пользы, чем грубое в них вмешательство: *"...скажем правду: мы ищем не «всевозможные цивилизации», а прежде всего антропоморфные. Мы привносим в Природу логику и порядок научного эксперимента и по явлениям такого рода жаждем распознать существа, подобные нам... Отсюда и кажущееся пристрастие к «ортоэволюции» — медленному, но непрерывному увеличению размеров тела, которое, однако, очень часто оказывается настоящей ловушкой и орудием будущей гибели: ни одна из древних ветвей гигантов (например, юрские*



*пресмыкающиеся) не сохранилась до наших дней". К сожалению, эти очевидные факты игнорируют те сентиментально настроенные гуманисты, которые лелеют химеру антропоморфизма, не понимая того, что их "идеальный человек" так же лишен будущего, как вымершие миллионы лет назад виды — настоящего. Впрочем, возможно, кому-то из этих радетелей ортоэволюции "повезет" разделить судьбу крокодилов и черепах, не изменившихся на протяжении миллионов лет, и в настоящее время изучаемых нашими современниками в качестве живых ископаемых. Достойная судьба для романтиков, воспевающих собственную "совершенную форму", не так ли?*

К счастью, по мере приближения фазового перехода все большее число авторов осмеливается посягать на святость термина "гуманизм", в котором *"слишком много человеческого, следовательно — животного"*, все чаще он подвергается робким попыткам диверсификации — предлагаются следующие альтернативы: "трансгуманизм", "постгуманизм" или "неогуманизм" [8]. К сожалению, в корне этих вариантов все равно остается рудиментарная основа — как если бы докембрийская биота пыталась определять будущих наземных обитателей суши в терминологии и системе ценностей рыб и глубоководных членистоногих. *"Из всего сказанного вырисовывается стержневая сюжетная коллизия наступившего столетия: «искусственное — естественное» . Судя по всему, вокруг этой оси и будут складываться основные глобальные проблемы XXI века. Он обещает стать беспримерным по драматизму и радикальности изменений, и при развитии событий по оптимальному (сохраняющему) сценарию следует полагать, что цивилизация «на выходе» будет отличаться от цивилизации «на входе» приблизительно в такой же степени, в какой общество XX века отличалось от общества эпохи Мустье."* [8] На мой взгляд, главным препятствием этим процессам и базовой причиной драматизации естественного хода событий, о которой писал Назаретян, являются апология "персоны" и сакрализация химеры "бесценной человеческой души".

**Деструктивные последствия гиперакцентированной значимости "персоны" и "личности" — результат влияния на менталитет человека религий, паразитирующих на слабостях и страхах теплокровного животного, обреченного функционалом второй сигнальной системы на переживание эпифеноменов "осознания себя".**

В своей книге "Бог как иллюзия", заслужившей мировую известность и выдержавшей не одно переиздание, Ричард Докинз высказал старую истину: *"Многие религии, например, содержат объективно невероятные, но субъективно желанные доктрины о сохранении нашей духовной сущности после физической смерти. Идея бессмертия живет и ширится благодаря своей привлекательности. А привлекательность работает благодаря почти повсеместной тенденции человеческого сознания верить в то, чего хочется."* Сама по себе эта мысль давно уже не является откровением, все ее значение по-настоящему может быть оценено лишь в ходе ознакомления с полным текстом книги. Сейчас нас интересует другой вопрос — насколько эту истину понимают и принимают те ученые, которые пытаются описывать "грядущее" и берут на себя смелость определения перечня задач, стоящих перед человечеством.

К сожалению, одной из самых болезненных проблем, препятствующих построению адекватной картины "будущих себя", является проблема самоидентификации, проблема определения нашей собственной "самости". Она обусловлена настолько тяжелым багажом рудиментарных представлений и атавистических комплексов, что проблеме иллюзии обладания называемыми "душой" или "личностью", а также паразитам сознания, подчиняющим нас своим целям, в свое время была посвящена отдельная

статья [17]. В ней под именем "птолемема" (см. теорию мемов Р. Докинза) был идентифицирована основа ряда заблуждений, связанных с "ощущением своей самости", с иллюзией "наблюдения вращения Солнца вокруг Земли" и прочими характерными ошибками восприятия, выдающих в Homo Sapiens его тяжелое животное наследие. Здесь приведем лишь некоторые выводы: *"Известно, что любую идею можно превратить в абсурд, если довести ее до абсолюта. Именно это случилось с нашим отношением к жизни, когда мы заботу о ней в пределах естественного срока физиологической активности организма превратили в идею-фикс бесконечного продления «жизнеспособности носителя бесценного Я». Логика этой идеи такая же примитивно-пещерная, как и логика бесконечного потребления, безграничной экспансии и всех прочих ложных целей, навязанных нам Птолемемом. По сути дела, в настоящее время множество самых разнообразных усилий, прикладываемых нашей цивилизацией для сдерживания ее самодеструктивных тенденций, являются усилиями по преодолению воздействия на нее Птолемема (нам не привыкать бороться со следствиями, но не с причиной, а Птолемем полностью устраивает такое выпускание пара «в свисток»). Здесь мы заранее обречены на поражение — до тех пор, пока мы будем управляться паразитами сознания, нам никогда не достичь собственных целей. И одно из наиболее больших и труднопреодолимых препятствий — наше непробиваемое жизнелюбие, вообще культ Жизни, который нельзя уже объяснить простым инстинктом к самосохранению, полученным нами от природы. То гипертрофированное образование, в которое мы превратили этот инстинкт под воздействием Птолемема, иначе как абсурдом и гротеском уже не назовешь. Это все тот же результат дихотомии, расчленения мира на «Я» vs «не Я», «жизнь» vs «несуществование», «хорошее» vs «плохое». Отсюда наше стремление раздуть нашу самость до астрономических масштабов, лишь бы преодолеть этот пещерный «страх несуществования», отсюда эта «жажда к жизни», отсюда этот тотем Живого Существа."*

Вышесказанное можно дополнить словами Слотердайка, который, рассуждая о просвещенном ложном сознании [10], справедливо заклеил патологическую фиксацию на идентичности: *"Именно «Я», не желающее вписываться в рамки каких бы то ни было политических фронтов в обществе, и оказывает самое отчаянное сопротивление решительному Просвещению. Едва ли кто-то потерпел бы, чтобы на эту территорию проникла радикальная рефлексия — в том числе и многие из тех, кто считает себя просветителями. Танец вокруг золотого тельца идентичности — это последнее и величайшее упоение анти-просвещения. «Идентичность» — так звучит волшебное заклинание отчасти тайного, отчасти открытого консерватизма; личная идентичность, профессиональная идентичность, национальная идентичность, политическая идентичность, женская идентичность, мужская идентичность, классовая идентичность, партийная идентичность и т. п. — вот что написано на его знаменах. Одного перечисления этих существенных требований идентичности уже, в принципе, было бы достаточно, чтобы проиллюстрировать множественный и изменчивый характер того, что называют идентичностью. Но никакой речи об идентичности и не зашло, если бы дело не касалось устойчивой формы Я."*

Несложно заметить, что все идеи трансгуманизма на самом деле являются переложением на современную терминологию наиболее ложных и пагубных для парадигмы Свободного Разума религиозных тезисов, обскурантистских концепций и прочих рудиментов сознания, накопившихся у млекопитающего за время формирования его когнитивного аппарата [12]: *"И для христианина, и для трансгуманиста важнейшей ценностью является человеческая жизнь."* Стоит вчитаться в эту

идеологему трансгуманизма и ознакомиться с целями, которые эта концепция преследует, чтобы тут же стало ясно, что она лишь на словах декларирует поддержку эволюции, притворно воспевая усиление разумной составляющей в определении "homo sapiens". На самом деле адепты этой идеи так же зашорены и приземлены, как все прочие гуманитарии — заявляя, что человек *"не конечный этап развития носителей разума"*, трансгуманизм тут же продолжает: *"а следовательно, одной из главных целей его должно быть увеличение длительности жизни конкретного организма и достижение его практического бессмертия"*. Ради достижения этой цели адепты "антропоморфного идеала" готовы на все — вплоть до буквального замораживания самого эволюционного процесса, возлагая огромные надежды на крионику, эту наиболее истеричную форму реагирования хомо жизнелюбуса на цикличность, которая единственно обуславливает его собственное развитие. Не удивительно, что само понятие [12] трансгуманизма (transitory human — переходной человек, англ.) развивалось в группе, объединившей в себя три направления: идею личного бессмертия (христианская жажда возврата в райские кущи), идею нанороботов (вездесущие исполнители желаний, избавляющие от необходимости физического вмешательства) и идею искусственного интеллекта (усиление инструментальных умений в решениях привычных проблем за счет новых костылей). То, как трансгуманисты предполагают воплощать эти цели, станет ясно из следующих цитат (в очередной раз наблюдаем прием "начали за здравие — кончили за упокой") [12]: *"Основа трансгуманистического мировоззрения — рациональность. Этот термин происходит от слова «рацио», то есть «разум». Рациональность означает способность приходить к однозначным выводам на основании исходных посылок, без каких-либо ошибок, скрытых влияний, произвольностей, то есть в основе рациональности лежит логика.*" Несмотря на трюизмы, звучит замечательно, не так ли? Но читаем дальше — как эту рациональность трактуют футурологи-трансгуманисты: *"Одна из основных проблем рациональности — проблема выбора главных целей и наилучших способов их достижения. Здравый смысл дает нам главные цели: лучше жить долго и счастливо. При этом методы достижений мы берем самые радикальные и не вполне соответствующие привычным нормам — крионика, прямое вмешательство в мозг, киборгизация. Выбор бессмертия является наиболее рациональным поведением из тех моделей, которые мы можем сейчас представить. Именно поэтому мы считаем отношение к крионике тестом на рациональность. Бессмертие дает возможность реализовать любые другие цели. Кроме того, бессмертное существо более других заинтересовано и в бессмертии цивилизации и в реализации других долгосрочных стратегий. Именно выбор бессмертия объединяет здравый смысл и радикальный рационализм."* На этом пассаже можно снять шляпу перед обезьяной, которая сидит в каждом из нас — похоже, она панически боится отдаляться от ствола дерева, с которого ее не так давно согнали эволюционные процессы.

В качестве заключительного выступления дадим еще раз слово апологетам ортоэволюции и любителям продолжать в бесконечность векторы, которые им кажутся незыблемыми. Прекрасная иллюстрация "феномена Выбегаллы" в подходе к реализации "абсолютно удовлетворенного человека" — в изложении плана развития человечества (как он видится авторами "Футурологии") [12]: *"Смерть — самое плохое, что может произойти с человеком. Человек на протяжении жизни стремится избежать смерти, то же самое относится и к обществу в целом. История цивилизации — это история попыток достичь бессмертия. Пирамида Хеопса, написание книг, рождение детей — все это попытки увековечить себя. Но наиболее полное сохранение себя — это сохранение не нескольких своих мыслей или генов, а сохранение всей полноты жизненного опыта, то есть бессмертие личности. Задача достижения бессмертия человека логически вытекает из желания и*

*возможности победить смерть. Возможность победить смерть возникает благодаря научно-техническому прогрессу. Первый этап на пути к бессмертию — это увеличение продолжительности жизни, то есть рост средней ожидаемой продолжительности жизни с 78 лет в развитых странах до 90–100 лет. Это возможно за счет внедрения в клинику уже существующих научных достижений и повсеместного применения уже известных методов охраны здоровья. Следующий этап — радикальное продление жизни. Это означает рост продолжительности жизни до сотен или тысяч лет. Это может быть достигнуто за счет управления работой генома, регенеративной медицины, тотальной киборгизации человеческого тела и медицинских нанороботов. Третий этап — это увеличение ожидаемой продолжительности жизни до миллионов лет с помощью полного сканирования мозга и переноса сознания в компьютер, что позволит реализовать технологии многоуровневого резервного копирования. Затем следует практическое бессмертие — это время жизни, сопоставимое со сроком существования Вселенной — десятками миллиардов лет. Требуется для своей реализации ресурсов сверхцивилизации галактического масштаба, управляемой сверхинтеллектом. Абсолютное бессмертие — неограниченно долгое существование в математическом смысле. Требуется онтологического укоренения в природе реальности. Например, превращения всей Вселенной в единую вычислительную среду." Занавес.*

Как мы видим, футурологические прогнозы, основывающиеся на доминирующей сейчас гуманистической парадигме и научной концепции представления задач, стоящих перед человечеством, принципиально не способны дать адекватную картину будущего. Подлинным футурологом может являться лишь тот, кто не только свободен от довлеющей конъюнктуры (будь то спонсор/заказчик, доминирующая идеология, нормативы господствующей морали или одобрение массовой аудиторией), но в первую очередь не скован внутренней самоцензурой, навязанной ему собственным "Я". Футуролог не имеет права принимать как незыблемую данность то ценностно-понятийное пространство, в котором он вырос и функционирует здесь и сейчас, когда он претендует на подлинные прогнозы, а не на робкое подглядывание зажмуренным глазом в надежде увидеть лишь то, к чему уже привыкли его глаза.

**Это не люди, это — мы**

**Переход на новую парадигму определения бытия, помимо отрыва от привычной "натуры", неизбежно повлечет за собой признание необходимости "смерти" того человеческого, которое до сих пор составляло основную ценность и предмет заботы "гуманистической ноосферы".**

Слотердаик описывает, как доминирующая в нашем обществе установка на насилие превратила заурядное и естественное событие смерти живого организма (часть естественного ритма бытия) в трагический и драматический акт, прочно ассоциированный с проигрышем в жестокой борьбе за существование со своими собратьями [10]: *"Чем больше человек, размышляя о смерти, представляет себе не мирное угасание, а убийство, тем выше поднимается волна страха перед смертью в более развитых и более богатых насилием цивилизациях. Именно по этой причине государства и империи, которые открываются нашему историческому взору — это религиозные*

государства, религиозные империи. Они образуют социальные миры, в которых страх перед насильственной смертью вполне реалистичен." Зашкаливающая социальная стратификация неизбежно вызывает отчуждение у всех членов социума от общественных процессов, от вовлечения в судьбу цивилизации; физическое и символическое насилие угнетают жизненную энергию рабов, что в свою очередь активирует компенсаторные механизмы психологической защиты, которые формируют желания, иллюзии и представления о чем-то "ином", о нереализованной "полноте жизни", дофантазировать реализацию которой можно лишь "по ту сторону". Сама социализация уже несет в себе потребность в апелляции к подобным механизмам защиты [10]: *"Наше бытие-в-обществе почти априорно включает в себя угрозу того, что мы не получим возможности полностью реализовать ту полноту жизни, которая дана нам от рождения."* Страх физического и морального уничтожения субъекта усиливается его оторванностью от естественной власти над собственным бытием, насквозь пронизанным догматами и установками, импринтингом внедренными ему извне, что порождает категорическое неприятие смерти, как события естественного характера, замещая его патологической установкой на достижение бесконечной (или хотя бы загробной) жизни.

Страх смерти, ее неприятие и стремление во что бы то ни стало отдалить ее наступление продиктованы исключительно непониманием самой сущности жизни, неумением распорядиться ею так, как она того заслуживает, неспособностью выступить ее хозяином на протяжении всего периода собственного активного существования. Только эти причины заставляют субъекта лелеять надежду (наивную уже в самой своей формулировке) на то, что более продолжительное в количественном выражении существование способно как-либо компенсировать нехватку его качественного наполнения. Кроме того, крепко держит в своих когтях химера самосохранения собственного "Я", иллюзорность обладания которым настолько сильна, что даже лучшие умы человечества попадают в ее ловушку. Между тем, являясь функцией сознания, Его не обладает статусом фактического и объективного существования, это такое же *впечатление впечатления*, каким является индуцированный мираж. Если и можно говорить о бессмертии сознания, то исключительно в контексте наметившейся тенденции к объединению и взаимопроникновению информационных потоков, мыслей, мотивов и интересов людей, составляющих наиболее просвещенную часть человечества. Страх потери собственной идентичности для таких людей всегда отступает перед перспективами, открываемыми интеграцией, перед размытием границ между творческими идеями этих субъектов (а равно и между ними и окружающим миром), перед отходом от оппозитивной парадигмы отношения к окружающему миру и освобождением от диктата физиологических критериев самоопределения и целеполагания мыслящей материи.

К этому результату трудно прийти без отказа от т.н. "охраняемой личной жизни", без преодоления табуированности и тщательного оберегания некоторых аспектов нашего быта, от развенчания освященных тысячелетней социализацией млекопитающих краеугольных камней человеческой культуры. Это станет возможным лишь при постепенном отходе от соматического стержня определения homo sapiens и устойчивого дрейфа понятий в сторону открытых информационных структур. Для того, чтобы это стало возможным, человечество, безусловно, должно быть поставлено перед фактом необходимости приспособления к сформировавшимся помимо его прямой воли требованиям, как это всегда происходило на всех этапах эволюции, и чему способствуют те самые фазовые переходы (к одному из которых сейчас стремительно приближается наша цивилизация). Такие условия вполне естественно возникают на фоне разрушения привычных социальных институтов (семьи, брака, рабочих взаимоотношений), при смещении сферы коммуникаций в виртуальное

пространство вместе с формированием системы ценностей, которые начинают включать сущности, не имеющие предметного референса в реальном мире. Все это происходит на фоне киборгизации — как на уровне общественных структур, так каждого из их членов в частности. В этом случае одним из вариантов решения становится перенос акцента с индивидуальных носителей сознания на групповое их объединение, "размытие" фокуса самоидентификации, объединение сознания множества локальных носителей в одно целое, которое будет располагать физиологически независимыми носителями, но при этом контролировать их единой структурой, относящейся к этим телам подобно отношению человека к своим конечностям и органам. Неплохой образец подобного процесса и его последствий (на социальном и индивидуально-онтологическом уровне) рассмотрен в ранее упоминавшемся романе А. Кларка и С. Бакстера. В произведении продемонстрирован тот самый фазовый переход, который случается под толчком технологического прорыва — непредвиденным по своему характеру, непредсказуемым по последствиям и вызывающим крайне враждебное отношение со стороны устоявшихся институтов цивилизации на всех ее уровнях. Как легко догадаться, противников нового всегда оказывается намного больше, чем сторонников, при том, что даже адепты прогресса зачастую сами не способны адекватно оценить открывающиеся перспективы, поскольку воспринимают происходящее в устаревшей системе ценностей, формирование которой всегда запаздывает по отношению к процессу трансформации.

Здесь еще раз можно вспомнить И. Пригожина, призывавшего [9] избавляться от фобии странных аттракторов: *"Итак, наука приводит к трагическому метафизическому выбору. Человек вынужден отдавать предпочтение одной из альтернатив и либо поддаться сулящему вновь обрести потерянную было уверенность, но иррациональному искушению видеть в природе гарантию человеческих ценностей, либо усматривать в ней знак, указывающей на существование фундаментальной взаимосвязи явлений и верность рациональности, изолирующей его в безмолвном мире."* Суть фазового перехода в том и заключается, что сами попытки достигать старых целей новыми методами автоматически становятся обреченными на фиаско — новый инструмент уже не только выполняет задачу, но начинает влиять на саму ее постановку, формируя целеполагание применяющего этот инструмент агента. Как пишет Станислав Лем в "Сумме Технологий" [4]: *"...новая Технология будет означать полную власть человека над самим собой, над собственным организмом, что в свою очередь сделает возможной реализацию таких извечных мечтаний человека, как жажда бессмертия, и, может быть, даже позволит обращать процессы, считающиеся ныне необратимыми (как, например, биологические процессы, в частности старение). Иное дело, что эти цели могут оказаться фиктивными, подобно золоту алхимиков. Если даже человек все может осуществить, то наверняка не любым способом. Он достигнет в конце концов любой цели, если только того пожелает, но, быть может, еще раньше поймет, что цена, которую придется за это заплатить, делает достижение данной цели абсурдным. Ибо если конечный пункт намечаем себе мы, то путь к нему определяет Природа. Мы можем летать — но не посредством раскинутых рук. Можем ходить по воде — но не так, как это изображает Библия. Может быть, мы обретем долговечность, практически равную бессмертию, — но для этого нужно будет отказаться от той телесной формы, которую дала нам природа."* При этом обязательно стоит добавить, что почти наверняка в процессе отказа от телесной формы мы потеряем и саму потребность в той форме бессмертия, которая сейчас нам кажется столь вожаделенной и манящей "безусловно выгодными перспективами" целью.

**Неизбежен разрыв со старой культурой и забвение практически всего её наследства, которое превращается в артефакты исторических свидетельств большого пути и феномены этического антиквариата.**

Развитие ради выживания — как средство и цель, объединившиеся друг с другом. Возможно ли найти примеры разумного (без абсурда и логического противоречия) совмещения подобных явлений? Какое будущее у вида, заключившего себя в эту формулу существования, и возможно ли вообще для этого вида проводить какие-либо различия между прошлым (включая его протофазу в формате эукариотов), настоящим (его теперешним нарциссивным состоянием) и будущим (которое столь же призрачно идеализируется, сколь невнятны представления о целях его достижения)? Вариантов на самом деле не так и много: в одном случае — банальный рост поголовья и контролируемого им пространства, во втором — качественный революционный скачек в эволюции вида приводит к появлению таких *участников эстафеты* (ни “наследники”, ни “потомки” здесь уже неуместны), чьи цели, задачи и сама парадигма существования для сегодняшнего homo sapiens будут недоступны ни пониманию, ни даже представлению. А обожаемые нами сейчас “культурные достижения” и “научный потенциал” окажутся обесцененными в результате кардинально изменившейся постановки задач, стоящих перед этим новым участником. Это не означает, что он окажется не способным оценить пользу от нашей стадии, однако связь отождествления между им и нами будет навсегда разорвана — как разорвалась связь отождествления между Homo Sapiens и Homo Erectus, не говоря уже о более ранних формах развития. Понял бы цели нашего существования питекантроп? Проникся бы он нашими устремлениями? А между тем, они ему намного ближе, чем те, которые сформирует следующее поколение Разумного — в случае реализации второго варианта. Первый же представляет собой совершенно заурядное размножение, бессмысленность и бесконечность которого настолько скучна и примитивна, что от подобных “райских перспектив” лучше отказаться заранее.

Человечество должно быть готовым к тому, что одним из результатов близящегося фазового перехода станет его значительное культурное опустошение — в терминах сегодняшних ценностей. Практически весь накопленный багаж окажется настолько устаревшим, бесполезным и вырванным из контекста его возможного применения, насколько примитивным до бессмыслицы кажется технологически несовершенный нынче способ обтесывания обсидиановых наконечников, предназначенных для охоты на крупного дикого зверя, или ритуальные пляски у раскрашенной изображениями животных пещерной стены перед выходом на охоту. Не только тот или иной культурный объект окажется бессмысленным и бесполезным рудиментарным элементом, но и вся система взаимоотношений, основанная на нем, станет совершенно чуждой тем, кто окажется по ту сторону эволюционного скачка. Позади будут оставлены все воспеваемые нынче социально-культурные ориентиры, в число которых входят: семейные ценности, чадолубие, верность супругов, домашний уют, личное счастье, трудолюбие и самоотверженность, жажда к знаниями ради карьерного роста, и в том числе — любовь и почитание тех образцов искусства, в которых классиками и современниками воспеваются вышеперечисленные идеалы. Наконец-то станет ближе и доступней та цель, к которой давно призывают философы, стремящиеся вернуть ложно просвещенного человека в сообщество самостоятельно мыслящих хозяинов собственной судьбы [10]: *“Европейский невроз предполагает представление о счастье как цели и о напряженном труде ума как пути к ее достижению. От гнета этого невроза нужно избавиться. Ради того хорошего, от которого так легко уходят, вовлекаясь в процесс развития,*

*необходимо покончить с критической страстью к улучшению. Ирония состоит в том, что цель критического усилия — достижение самого непринужденного и естественного расслабления."*

Мы должны быть готовы к тому, что наше культурное наследие, составляющее едва ли не главную нашу гордость (пополам с технологическим могуществом) окажется первым институтом, который испытает сильнейший удар, по которому пройдет метла старьевщика, выносящая в чулан эволюции все то, что превратилось в "памятные сердцу игрушки" и "экзотичные винтажные сувениры". Вся наша классическая литература, со своего рождения и до самой смерти обслуживавшая находчивую и сообразительную обезьяну, за редчайшим исключением не ставившая перед собой никаких иных целей и вопросов, кроме тех, которые диктовали ей мещанские ориентиры и христианская догматика (живущие друг с другом в отменном симбиозе вопреки декларируемому противостоянию), будет так же выброшена из обихода нового сапиенса, как выбрасывается громоздкий патефон после наступления эпохи цифрового мультимедиа — не только потому что есть более удобные способы усладить свой слух, но еще и потому что виниловые пластинки кардинально не соответствуют возросшим критериям сохранения информации (этот пример довольно мягок, поскольку на самом деле сам звуковой формат передачи мыслей и эмоций также не является вечным, доживая свои последние дни в роли обязательного промежуточного звена). Точно так же прекратят свое существование и все прочие сервильные институты, прочно завязанные на антропоморфизм, физиологизм, на все то "слишком человеческое", воспевание которого так долго казалось нашим гуманитариям "истинной задачей нашей культуры и почетной ролью ее жрецов".

Освобождение от влияния морального пласта, в котором содержится большинство этических ограничителей, неизбежно будет иметь автокаталитический характер, который только ускорит совершение фазового перехода. Пока же мы наблюдаем процесс психопатической реакции — попытки устоявшейся парадигмы восприятия мира защититься от приближающихся изменений, или хотя бы вытеснить из своего сознания факт их наступления. Слотердаик [10] определял такую реакцию как проявление "просвещенного ложного сознания", или же как современный цинизм: *"Диффузный цинизм уже давно захватил ключевые позиции в обществе — в президиумах, парламентах, наблюдательных советах, дирекциях предприятий, среди лекторов и среди практиков, на факультетах, в канцеляриях и редакциях. Вся их деятельность происходит на фоне некоторой элегантной горечи. Ведь циники не глупы, они вполне видят то Ничто, к которому все движется. Однако конституция их души достаточно эластична, чтобы включать в себя постоянное сомнение в смысле собственной деятельности, осуществляемой ради выживания."* Понимая это, он призывает переносить акцент наших усилий с морали на самопознание: *"Это может звучать как призыв к духовной диете для каждого отдельного человека, и тот, кто поймет это именно так, будет прав. Просвещение, прежде всего, не имеет никаких иных адресатов, кроме отдельных людей, которые избежали слепого включения в общество и отождествления с ним, но не могут по этой причине прекратить играть определенную роль в обществе... Этика бытия была бы этикой общества, в котором люди, любя и критикуя друг друга, помогали бы друг другу в том, чтобы в их среде воля к истине смогла стать сильнее, чем насильственно пробивающаяся в каждом воля к власти и желание утвердить себя любой ценой."*

По сути дела, нам не так много осталось для достижения этого результата: гигантский скачок в развитии наших связей друг с другом, в их количественной и качественной стороне, дающий нам возможность делиться друг с другом не только "обработанными" результатами наших впечатлений, но



и их базовыми, сырыми формами — на уровне первичных ощущений и необработанных сигналов от датчиков-рецепторов — все это интенсифицирует распространение каждого единичного "Я" на множество "Я" связанных с ним персон (и, кстати, не только "персон" ведь интерфейс получаемых сигналов вполне допускает унификацию и охват множества живых форм, не обладающих человеческими формами сознания, в т.ч. неживых организмов и даже виртуальных сущностей). С появлением эпохи гаджетов и стремительной эволюцией средств индивидуальной связи, а также становлением культуры соцсетей, эта стадия становится рубиконом, за которым наше "Я" начнет избавляться от жалких физиологических границ своих индивидуальных носителей. Станет ли это "Я" более реальным, чем тот эпифеномен, который сейчас мы так незаслуженно возвеличиваем — неизвестно, но данный вопрос отходит на второй план. Главное — в кардинальной перестройке общества, в его первом подлинном объединении не как стаи разрозненных единиц, пытающихся культурными механизмами скрепить изначально присущую им разобщенность, но как первый в истории нашего вида случай единого организма, в котором не в ущерб индивидуальностям достигается общность восприятия окружающего мира и самих себя.

Самое интересное в том, что при этом на следующем этапе развития не исключена смена самой кризисной парадигмы эволюции. Прессинг стимулирующих развитие стрессовых ситуаций был работающим механизмом лишь во время существования некоей сущности, угрозой исчезновения которой можно было манипулировать. Ни один кнут или пряник не способен обладать универсальной применимостью, и данные механизмы уже явно не соответствуют грядущей форме организации Разума. Кризисы, подстегивавшие развитие, эксплуатировали инстинкты, доставшиеся нам в наследство из животного мира. Следует ожидать появления качественно новых факторов роста для того, чтобы не останавливаться на месте. И они обязательно возникнут.

**Мыслящее млекопитающее отчаянно противится расставанию с рудиментарными, но хорошо обжитыми мотивационными ориентирами, аргументируя свое неприятие эволюционных изменений романтизацией "натуры", апелляцией к общебытийной сентиментальности и нормативному морализаторству, опирающемуся на эклектичную аксиологию, в которой признание "высшей ценности" собственной жизни сочетается с потребностями "любви к окружающему миру", большинство объектов которого неизбежно переживет носителя этой системы и всего его вида.**

Ситуация, сложившаяся у существ, которые в ходе эволюционной борьбы за выживание обрели способность к осознанию и разумной деятельности, весьма драматична. Причина этого в том, что средства, доступные для реализации цели, стали колоссально превосходить саму цель, чего никогда до этого не наблюдалось во всем известном нам живом мире. Случилось это не сразу, количественный прирост постепенно дал качественный эффект, который создал уникальный прецедент: жизнь, существование живого организма, поддержание его индивидуальной или родовой целостности (включая сюда также и "интенцию" эгоистичного гена по Докинзу) перестали быть теми задачами, которые способны в полной мере востребовать мощь, находящуюся в распоряжении субъекта. Начиная с какого-то момента эти эволюционно унаследованные умолчательные целеполагания превратились в тормоз дальнейшего развития средств, позволивших человеку стать тем, кем он сейчас является. Человек разумный приблизился к точке бифуркации: по какому пути следовать, какую доминанту выбрать: обрезать ли возросшие средства по уровню целей, привычных со времен своих млекопитающих предков, или установить акцент на тех возможностях, которые открылись для Разума,

лишая его инструментального статуса по отношению к животному существованию (и целеполаганию, вытекающему из морфологии всего института животной жизни), выбирая в качестве сверхзадачи такую цель, которая не только не уступает его текущему потенциалу, но и превосходит его. Естественно, плоскость выбора этой цели также должна находиться выше того заурядного целеполагания, к которому мы привыкли. Если этого не произойдет, человека, как носителя когнитивной функции, ждет неизбежная деградация, которую впоследствии он, возможно, уже не будет способен ни обнаружить, ни обратить.

Образец самоограничения свободы выбора приводится Слотердайком в его рассуждении [10] о добровольном обскурантизме, совершаемом натуралистами во имя гуманности: *"Ссылка на «природу» всегда должна значить что-то в идеологическом плане, потому что она искусственно создает наивность. Она скрывает привнесенное человеком и призвана уверить в том, что вещи от природы, то есть с самого начала, заданы в том «порядке», в котором их изображают наши всегда «заинтересованные» представления. Во всяком натурализме скрыты зерна идеологий порядка. Любой натурализм начинается как недобровольная наивность и заканчивается как наивность желаемая."* Вообще, любая сакрализации инструментальных сущностей, любое священнодействие над природными "данностями" грозит инфляцией воспеваемых ценностей и рано или поздно оканчивается тупиком абсурда. Слишком серьезное отношение к себе самому, сентиментальное очарование "жизненной борьбой", фиксация на "человеческой" точке отсчета в онтологическом дискурсе, отсутствие самоиронии — все это неизбежно приводит к деградации культуры и искажению тех самых целей, которые декларативно преследуются. Об этом также пишет Хёйзинга [14], и его выводы справедливы для любого рода деятельности человека — все указывает на то, что именно *игровой составляющей* предстоит стать лейтмотивом самореализации подлинно свободного Разума, не обремененного теми заботами, которые рассматривались в предыдущих главах, и не скованного теми рамками, которые в настоящий момент приводят к циничному диктату моралистов. Эта игра станет возможной после освобождения от тех "натуральных" забот, которые в настоящий момент составляют все понятийное пространство "умелой обезьяны", ограничивают собой всю ее сферу интересов и формируют основу для столь дорогой ее сердцу "культуры выживания и размножения".

Сверхсерьезным циничным моралистам Слотердайк противопоставляет веселого киника Диогена [10]: *"Если передать современным языком то, что поражало современников в Диогене, то подходят слова «полное неприятие надстройки». Под надстройкой в этом смысле следовало бы понимать все те комфортабельные соблазны, которые сулит цивилизация, чтобы завлечь человека на службу ради достижения ее целей: идеалы, представления о долге, обещания спасения души, надежды на бессмертие, честолюбивые цели, ступени власти, карьеры, искусства, богатства. С точки зрения киника, все это компенсации за то, чего Диоген и ему подобные как раз и не позволяют у себя отнять: за свободу, сознательный характер и радость жизни. Очарование киническому образу жизни придает его необыкновенная, почти невероятная веселость."* Забавно смотреть на то, как деятели культуры отчаянно пытаются продемонстрировать свою свободу творчества, тщательно придерживаясь при этом рамок допустимой "смелости" и "политкорректности", навязанных парадигмой гуманистического подхода к оценке своего и чужого самовыражения. Семейные ценности, взаимоотношения полов, трудолюбие, терпимость и обучаемость, любовь к детям и забота об окружающей среде, почтение к авторитетам благородных седи и преклонение перед багажом культурного наследия, воспевającego все вышеперечисленное и передающего красочно

упакованный багаж этих ценностных установок следующему поколению — все это в трудах "мыслителей века и духовных пастырей цивилизации" априори полагается "вечным сокровищем", которому не угрожает обесценивание для Homo Sapiens'a. Для homo — возможно. Но не для sapiens'a, отдающего себе отчет в том, что произведения Чехова, Шекспира, Стриндберга, Мана и сотен прочих обусловлены и ограничены контекстом, который ни в коем случае не должен быть зафиксирован намертво и навечно. Ведь эти замечательные авторы в своих произведениях воспевали самостоятельность мысли, свободу и саморазвитие, критикуя доминирующую массу за ее бездумное следование общераспространенным догмам, за склонность к мещанству и физиологизму и за категорическое стремление остаться в стороне от эволюционных процессов.

Мы, живущие сейчас, являемся свидетелями того, как морфология человека, которая тысячи лет определялась древней платоновской формулой, отходит в прошлое подобно сброшенной оболочке имаго. В этом аспекте такие факторы как колоссальное развитие соцсетей, ускорение, обогащение и усиление коммуникаций между разными людьми, подъем социальной открытости каждого для всех и всех для каждого (в начальных стадиях скорее гротескная и приводящая к болезненным последствиям, чем желаемая и одобренная) — могут пониматься как начало того качественного взаимопроникновения и сближения субъективных мироощущений, идей и сознаний, к которому нас ведет эволюция. Не имеет значения, в коме или в кремнии будет реализован конечный результат этого объединения, поскольку в любом случае новая структура неизбежно уйдет от прежних форм представления сапиентности (в свою очередь также являющейся функцией от заданных контекстом потребностей). То юное (до уродливости) явление, которое сейчас нам известно под видом социальных сетей, уже положило начало этой метаморфозе. Следующим шагом будет размывание границ между соцсетями и нейросетями, расширение когнитивной деятельности за пределы соматических носителей, подключение массива знаний (википедия и поисковые системы — как далекий прообраз) непосредственно к ядрам осмысления. Впрочем, попытки оптимизировать или достроить тело (сому) очень скоро окажутся в проигрышной позиции по сравнению с переходом сознания на новый уровень представления. Лагерь антропоморфистов не долго будет удерживать бастион — в их числе захотят остаться лишь те, кто почитает человека ради его принадлежности к млекопитающим — во имя млекопитания, пищеварения и "образоподобия". Аминь.

Безусловно, эти тезисы не поймут и не примут адепты антропоморфного культа *"Его Величия Тела"*: спортсмены, романтически настроенные гуманитарии, а также технари, носящие в себе фобию мертвой природы, как врага всего живого. Их истерическую реакцию несложно предсказать, поскольку за тысячи лет прогресса они не раз уже выражали ее в тех или иных формах противостояний. Нас не должны смущать те негативные моменты, которые мы наблюдаем сейчас в виде кажущегося отупления масс, не справляющихся с усиливающимися стрессами, в формате повального и истеричного их бегства в лоно религии (вспомним слова П. Сорокина о поляризации реакций, когда примитивная масса склонна пытаться откатиться назад, к простым объяснениям — к простому аттрактору в терминах теории диссипативных систем) — от экспресса эволюции убежать невозможно, с него можно только прыгнуть в болото статики. Избавившись от балласта, состав пойдет дальше.

Бессмысленно рассуждать о том, можем ли мы сохранить и законсервировать свои "нажитые непосильным трудом" антропные достояния. Мы не только неизбежно будем другими — мы уже вошли в фазу "окукливания" и обратной дороги нет никакой, кроме той, в которой мы, следуя призывам гуманистов, забиваемся в эволюционный тупик. Самые трусливые жизнелюбы-антропоцентристы,

впрочем, почти сознательно идут на это, признавая собственную готовность оказаться в этом тупике — и даже активно его пропагандируют. Таковы, например, трансгуманисты, адепты крионики, жрецы идеи "продления функциональности человеческого тела" — все те, лозунги которых на любых этапах эволюции сводились к одной формуле: *"зафиксируем навечно то, что имеем сейчас — ибо мы не знаем ничего лучшего, не желаем иного и боимся узнать"*. Именно эта инерция ограниченного мещанства и самодовольного потребительства в духе *"дайте нам того же самого, к чему уже привыкли, и побольше, а в идеале — безгранично!"* [16] является единственной угрозой для любого эволюционного перехода.

Самые отчаянные противники находятся в стане гуманистов (учитывая все их фракции с лакирующими приставками), антропоцентристов, цивилизованных мещан, футурологов-от-живота, форсайтеров-от-сохи и параноиков, чьи представления о Разуме жестко ограничены пещерным опытом форм и целей его применения. Именно их авторству принадлежат настойчивые подозрения любого Разума в агрессивности — пример экстраполяции неизжитых паттернов поведения, сложившихся в эпоху борьбы за ресурсы, на все периоды, включая те, в которых ресурсы перестают играть определяющую роль. Именно они носятся с мифологемами "Я", "индивидуум", "душа", а также их деривативами — "семья", "род", "нация", постоянно ссылаясь на "великую миссию человека по распространению своей культуры во Вселенной" (вдумайтесь, пожалуйста, в эти слова — разве их идиотизм не является лучшим приговором антропоцентризму?). Опять приведем слова Слотердайка [10]: *"Вальтеру Бенъямину принадлежит афоризм: «Быть счастливым — значит не испытывать страха, знакомясь с самим собой». Откуда берется в нас готовность к страху? Это, как я полагаю, тень, отбрасываемая морализаторством и стремлением сказать «Нет», которые парализуют способность быть счастливым. Там, где есть морализаторство, непременно царит страх — как дух отвержения самого себя, а страх исключает счастье. Ведь у морали всегда есть тысяча и одна навязчивая идея о том, какими должны быть мы и мир, но какими мы и мир не являемся. От морализма, включая левый морализм, исходят постоянные нереалистичные и судорожные воздействия. Вероятно, в Просвещении вновь сказывается влияние древней традиции христианской безрадостности, заставляющее обращать внимание прежде всего на то, что может быть понято как доказательство негативности человеческого существования. А такого настолько много, что моралистам хватит материала на всю жизнь."*

**Неизбежен отказ от эксплуатационной парадигмы, основанной на дихотомии "я/мир" и противопоставлении "субъект/объект" в пользу идеи вовлеченности в природные процессы и такого сосуществования с окружением, на котором субъект не отчуждается от контекста, а сливается с ним.**

Преодоление отчуждения, навязываемого нам делением мира на "себя" и "прочих", является первоочередной задачей, без решения которой не может быть и речи об интеграции миллионов разрозненных представителей сапиентности в единое разумное образование. Можно сколь угодно долго оттягивать и откладывать эту интеграцию — последствия этих задержек, при всей их кажущейся успешной консервации статус-кво человека физиологического, по факту их осуществления будут давать исключительно негативный эффект. Достаточно осознать, что будущего у сложившейся формы организации носителей разума нет, чтобы принять необходимость перемен как должное, открыв для себя пространство качественно новых целеустремлений и надежд. Именно наша психологическая неготовность к такому шагу и к такому переосмыслению своего бытия препятствует тому, чтобы оно

началось уже сейчас. Наши научная и технологические базы достаточно развиты для него. Наши функциональные возможности по организации социума и подготовке материальной базы уже давно созрели для тех целей, которые нас ввергают в панический ужас, но которыми придется заняться. В будущем давление "эскалационных факторов" будет только возрастать, с течением времени превращаясь в деструктивные — для той формы существования цивилизации, которую сейчас мы воспринимаем как единственно возможную (или, как минимум, наиболее удобную) для нас самих. Формат предстоящей интеграции находится не в материальной физической (и может даже не в высокотехнологичной электронной) плоскости, поскольку мы строим не многоклеточные структуры из набора простейших, и также не громоздим сложные комплексы организмов из базового набора "деталей". Мы пытаемся объединить ту составляющую, которая называется Разумом, поэтому материал "соединяемых модулей" будут относиться к категории идей и этических императивов.

И это не частный случай гуманоидного пути развития, а общая закономерность организации разума вообще. Как показал еще С. Капица [3], фаза количественного роста и неизбежно вытекающей из характера данной формы развития конкуренции каждого со всеми осталась позади. На очереди переход к следующей фазе — качественное изменение внутреннего содержания каждого члена общества и уровня взаимоотношений между индивидуумами. Следующей эволюционной ступенью, на которую мы поднимаемся и очертания которой с каждым годом становятся четче, является осмысление единого плана существования Вселенной и Разума (как самоорганизации, иннервации материи), освобождение интенций локальных его представителей от гнета физиологических потребностей, нужда в которых имела лишь на ранних стадиях поддержки рационального начала, формирование отношения к самому разуму не как к самодостаточной ценности, а как к части общемирового становления, как к одному из механизмов универсального развития, охватывающего всю Природу.

В размышлениях о будущем человечества невозможно надолго отвлечься от темы сверхцивилизаций — как потенциальных соратников, соперников, равнодушных соседей или просто чуждых "всему человеческому" сапиентных образований Вселенной. Ни один из этих вариантов, кроме, пожалуй, последнего — не верен. Последний же может претендовать на аутентичность лишь постольку, поскольку само человечество, как носитель рационального и мыслящего начала, последовательно становится чуждым самому-себе-вчерашнему. Что касается причин обнаружения нами этих сверхцивилизаций (не их отсутствия вообще, а невыход их на контакт с нами), можно сказать следующее. Во-первых: целеориентация любой жизненной формы неизбежно ограничивается ее характеристиками, ее физиологией, ее образом существования — всем тем, что конституирует парадигму ее бытия. Отсюда ясно, что эволюция того, что мы знаем под цивилизацией *homo sapiens*, приводящая к качественному росту возможностей данного вида (не только потенциала, находящегося в его распоряжении, но и спектра целей для его приложения) неизбежно вызовет такое видоизменение носителей, которые наверняка утратят связь с целеориентацией (грубо говоря — смыслом существования) человека сегодняшнего дня. Другими словами — они смогут понять нас сегодняшних так, как мы понимаем цели обезьян, в то время как для нас их жизненные установки будут столь же далеки, как установки человека разумного от набора мотиваций животного в зоопарке. Во-вторых, отказ от того примитивного отношения к реальности, которое навязано живому организму его физиологией, неизбежно приведет к тому, что само представление о масштабах окружающего мира окажется пересмотренным. Само пространство самореализации может одновременно — как

"свернуться" (сократив расстояния, которые на текущий момент нам кажутся непреодолимыми — даже не поддающимся осмыслению, что еще раз указывает на ограниченность физиологической организации), так и "раскрыться" (добавив уровни, о которых мы до сих пор не подозревали, или которые "вытесняли" за грань допустимого — например, по причине дихотомии живое/мертвое и т.п.). Помимо этих двух пунктов также обрисовывается образ третьего — относящегося скорее к сомнению, чем к предсказанию, а именно: обязательно ли жизненный путь каждой цивилизации должен приводить к возникновению сверхцивилизации, или же вполне естественный (и возможно даже самый вероятный) путь ее эволюции — не выходящий на качественные преобразования, а остающийся в плоскости количественного увеличения, наращивания мощи и числа представителей, но не выходя за пределы той концепции своего существования, которая на протяжении всей истории млекопитающих оставалась единственно приемлемой. В этом случае мы получаем ортоэволюцию — проекцию привычных жизненных паттернов, сложившихся со времен первых оседлых племен, на масштаб Галактики. Цивилизации, обреченные на подобную судьбу, неизбежно исключаются как из претендентов на сверх-развившиеся, так и вообще из жизнеспособного набора, поскольку целостную структуру подобные образования сохранять не способны. Кроме того, откровенная тупиковость подобного количественного расширения нивелирует всякую заинтересованность разумных членов общества в распределении собственных индивидуальных жизненных сил на данном направлении, поскольку персональная воля индивидуума к участию в общественной жизни обратно пропорциональна величине этого общества, сокращаясь в ничто при бесконечном росте цивилизации и оставляя в сухом остатке один лишь банальный животный страх смерти, присущий каждому организму с более-менее сложной организацией нервной системы.

Что же ожидает тех, кто готов смело смотреть в "завтра" и не сворачивать с дороги эволюции? Есть основания полагать, что само "завтра" окажется жертвой устаревания концепции времени по мере освобождения от структурирования происходящего в контексте хронологической последовательности. Членение временной координатной сетки на "прошлое" и "будущее" пропадет вместе с исчезновением пространственных границ восприятия окружающего мира в результате отхода от субъект/объектного описания. Помимо этого, вероятно, будут открыты такие пласты существования и уровни организации, которые уже не будут ограничиваться категориями "сапиентности", но чем-то более специфичным, кардинально отличающимся от той формы бытия и рациональности, реализованных в известной нам Вселенной на уровне, который в настоящий момент единственно доступен нашему восприятию, пониманию и воображению.

По мере вынесения за пределы организма интерфейса обмена информацией и рассредоточения центров ее обработки (в ходе обретения возможности дистрибуции промежуточных информационно-смысловых единиц в процессе самого акта восприятия и осмысления) в плоскости философии сознания произойдет кардинальный фазовый сдвиг, экзистенциальная революция на уровне каждого индивидуума и тотальная реструктуризация общества в целом (вероятнее всего, сопровождаемая утратой смысла самих терминов "индивидуум" и "общество"). Человеческое понимание "жизни", "себя", "других", "смерти" и т.п. явлений и феноменов, до сих пор базирующееся на доминанте "Я"-концепции, подвергнется тотальной диверсификации. Без ущерба для осознания каждой мыслящей единицы произойдет смещение акцентов с органической оболочки, которая до этого была единственным источником апперцепций и условием их обработки, на то, что отныне можно будет назвать "самостным социумом", "мульти-Я-обществом", "ноосферой объединенных сознаний" — здесь,

увы, ни один термин не является удачным. На этом этапе придет пора понимания (на самом деле, безусловно, это случится ранее), что подобное существование Разума, инвариантного к его носителям, сбросившего вериги антропоцентрических целеполаганий и наивных трактовок своей мотивации, само по себе представляет лишь одну из возможных форм (способов, вариаций, реализаций, подходов) к самостановлению (эволюционному развитию) того, что представляет собой общую основу и причину его бытия, а также всей Вселенной как таковой.

литература:

- [1] — Джой Б. *"Почему будущему мы не нужны"*
- [2] — Ивашинцов Д. *"За пределами эволюции Homo Sapiens"*
- [3] — Капица С. *"Парадоксы роста. Законы развития человечества"*
- [4] — Лем С. *"Сумма технологий", "Абсолютная пустота"*
- [5] — Лоренц К. *"Агрессия (так называемое «зло»)"*
- [6] — Лоренц К. *"Восемь смертных грехов цивилизованного человечества"*
- [7] — Матурана У. *"Биология познания"*
- [8] — Назаретян А. *"Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории"*
- [9] — Пригожин И. *"Порядок из хаоса"*
- [10] — Слотердаик П. *"Критика критического разума"*
- [11] — Тоффлер Э. *"Третья волна"*
- [12] — Турчин А., Батин М. *"Футурология"*
- [13] — Харитонов В. *"Гоминиды"*
- [14] — Хейзинга Й. *"Homo Ludens. Статьи по истории культуры"*
- [15] — Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. *"Физика процессов эволюции. Синергетический подход."*

авторские статьи:

- [16] — "Хлеб с Маслоу"
- [17] — "Эпициклы сознания"

© Валентин Лохоня 2014.07.31

<https://nonnihil.net>